

Луи НУАР

ЗОЛОТОЙ КОРСАР

Серия исторических романов

Луи Нуар

Золотой корсар

«ВЕЧЕ»

1869

Нуар Л.

Золотой корсар / Л. Нуар — «ВЕЧЕ», 1869 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-9533-5162-1

1825 год. Карбонарии, члены тайного общества итальянских патриотов, ведут борьбу за свободу полуострова. Их широко разветвленная сеть добралась и до Неаполитанского королевства, где правит король Франческо I. До того, как стать королем, он был чрезвычайно популярен в стране, но, унаследовав трон, забыл о своих либеральных принципах, взяв на вооружение политику отца, окружил себя шпионами и невежественными министрами, преследуя своих противников со всей возможной жестокостью. Волей обстоятельств Паоло, приемный сын рыбака, всю жизнь мечтавший стать корсаром, вмешивается в противостояние карбонариев и неаполитанской полиции. Им движут благородные помыслы. Вот только методы борьбы юноши не слишком отличаются от тех, которыми славится как сам король, так и люди, выходящие в море под черными парусами...

ISBN 978-5-9533-5162-1

© Нуар Л., 1869

© ВЕЧЕ, 1869

Содержание

Об авторе	6
Пролог	8
Глава I, в которой читатель встретит Короля песчаного берега, а также великана, моряков, красавицу, шпииков, чудовище и еще одного короля	8
Глава II, в которой для ничего не подозревающего старого генерала готовят рай, грозящий оказаться адом	16
Глава III. Каким был Король набережных	20
Глава IV, в которой орла променяли на кукушку	23
Глава V, в которой Паоло доказывает свою преданность королю и королеве	30
Глава VI. Буря	37
Глава VII. Под водой	45
Глава VIII. План	53
Глава IX. Драма на борту	60
Часть первая. Корсар с золотыми волосами	69
Глава I. Трусость перед врагом: смерть!	69
Глава II. Храбрый как лев... и хитрый как лиса	77
Глава III. Пойдем!	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Луи Нуар

Золотой корсар

Louis Noir
Le Corsaire aux cheveux d'or

© Самуйлов Л. С., перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Луи Нуар, автор некогда популярного романа о золотоволосом корсаре, родился 26 декабря 1837 года в городе Понт-а-Муссон на берегу реки Мозель, в самом сердце старинной французской провинции Лотарингии. Настоящее имя будущего писателя – Луи-Этьен Сальмон. Он был сыном часовщика из Вердена, Жака Жозефа Сальмона, и Жозефины Элизабет Нуар.

Начальное образование Луи получил в Верденской семинарии, затем его семья переехала в Париж, где юноша перепробовал несколько профессий (ученик часовщика, помощник пекаря, железнодорожный служащий). В 1854-м Луи исполнилось 17 лет. Решив повидать мир, он завербовался в зуавский пехотный полк и отправился в Африку. В рядах этих элитных войск Луи Сальмон участвовал в Алжирской и Крымской войнах, затем в Итальянской кампании 1859 года (война Наполеона III с Австрией за расширение влияния на Апеннинском полуострове). О своей службе и боевых событиях Луи Нуар написал книгу «Воспоминания зуава» (1866), а также ряд статей.

В начале 1860-х Луи демобилизовался и женился. Открыв в себе тягу к сочинительству, экс-зуав решает зарабатывать на жизнь пером и воображением. В качестве литературного псевдонима использует девичью фамилию матери. Карьера журналиста Луи Нуара быстро пошла в гору, его публикации в газете «Ла Патри», ярко расписывающие экзотику дальних стран, пользовались большим успехом. Вскоре успешный корреспондент получает пост главного редактора в газете «Ле Пепль». Параллельно с журналистской деятельностью Луи Нуар начинает писать беллетристику. На волне успешных публикаций Жюль Верна и популярности географических романов Луи Нуар начинает собственную серию «Драмы пустыни». В 1865 году выходит его роман «Братство секиры», за ним следует множество других – «Тайны саванны», «Охотница на слонов», «Туги. Тигр Шивы», «Миллионы траппера», «Пленники туарегов» и многие другие. Большой успех выпал на долю его историко-приключенческого романа о знаменитом капере из Сен-Мало – «Сюркуф, король морей». В 1868–1869 годах состоялась газетная публикация романа «Корсар с золотыми волосами» (в нашем издании – «Золотой корсар»). В 1874 году вышло его первое книжное издание. В начале XX века «Корсар» был включен в знаменитое собрание «народных романов» издателя Файяра. Французский поэт Изидор Дюкас, писавший под псевдонимом Лотреамон, упоминает «Корсара с золотыми волосами» на страницах своих «Песен Мальдорора».

10 января 1870 года двоюродный брат императора, принц Пьер Бонапарт, как истинный корсиканец, натура неукротимая, стрелял в секундентов, явившихся к нему домой передать вызов на дуэль от некоего журналиста Паскаля Груссе (тоже корсиканца). Принц с нетерпением ожидал дуэли с совсем другим журналистом – острословом-антибонапартистом Анри Рошфором, а вот еще одна дуэль, еще и неизвестно с кем, привела его в ярость. От слов и оскорблений принц перешел к действиям. Первый секундонт скончался от пули в грудь, второму удалось скрыться. Убитый тоже был журналистом. Звали его Иван Сальмон, но публиковался он под более звучным псевдонимом – Виктор Нуар. Да, молодой человек (ему не исполнилось и двадцати двух) был младшим братом романиста. Выстрел бешеного принца стал «последним стаканом крови», переполнившим чашу терпения французского народа. Похороны Виктора Нуара всколыхнули волну протеста, а когда суд оправдал убийцу, французы и сами превратились в корсиканцев, люто возненавидев императора Наполеона III и всю его семью. Грянувшая в том же году война с Пруссией окончательно добила монархию. С королями и императорами покончено. Отныне Франция хотела быть только республикой.

Во время Франко-прусской войны Луи Нуар сражался с оккупантами, возглавив один из полков вольных стрелков-франтиреров, в котором служили многие его коллеги, люди искус-

ства. По окончании войны в 1871 году писатель покидает шумный и кровавый Париж. Вместе с семьей он оседает в городке Буа-ле-Руа, среди обширных лесов Фонтенбло. Здесь писатель жил и работал до самой своей смерти 29 января 1901 года. Одна из улиц этого города и поныне носит имя Луи Нуара.

В. Матющенко

Избранная библиография Луи Нуара:

- «Братство секиры» (Les Compagnons de la Hache, 1865)
- «Золотой корсар» (Le Corsaire aux cheveux d'or, 1868–1869)
- «Тайны саванны» (Les mysteres de la savane, 1879)
- «Миллионы траппера» (Les millions du trappeur, 1876)
- «Сюркуф, король морей» (Surcouf, le roi de la mer, 1884)
- «Туги. Тигр Шивы» (Les Thuggs. Le tigre de Siva, 1894)
- «Пленники туарегов» (Les prisonnieres des Touaregs, 1899)

Пролог

Глава I, в которой читатель встретит Короля песчаного берега, а также великана, моряков, красавицу, шпигов, чудовище и еще одного короля

В 1826 году Неаполь изнывал под игом Бурбонов. В жаждавшей свободы Италии действовало множество тайных обществ. Все патриоты тайком готовились к освобождению полуострова, но противостоявшие им силы отличались прекрасной организованностью: все принцы поддерживали старый порядок, полиция была начеку, вследствие чего аресты и казни происходили едва ли не каждый день, приводя в уныние народные массы. Восстать народ не решался, но главные заговорщики – элита нации – не сдавались. На смену выбывшим по тем или иным причинам приходили все новые и новые борцы за свободу, и тайная война продолжалась.

Много было разговоров и домыслов об одном загадочном и странном обществе, состоявшем исключительно из женщин. Поговаривали, что некая молодая вдова, принадлежавшая к высшим кругам венецианского дворянства, объединила вокруг себя десятки итальянок, целью которых было любыми способами добиться освобождения страны. Знатные дамы и женщины из народа, девицы и куртизанки – все они должны были, в зависимости от занимаемого в обществе положения, вербовать приверженцев революции, раскрывать уловки полиции, оказывать протекцию гонимым, поднимать дух народа.

В том, что подобное тайное женское сообщество существует, не сомневался никто – ни сами неаполитанцы, ни полиция, – оно неоднократно заявляло о себе. Но кто им руководил? Кто отдавал приказы? Как строилась его деятельность?

Что только ни предпринимала полиция, дабы разгадать тщательно хранимую тайну этой новой формы движения карбонариев¹: ловушки, наблюдение, силовые методы – все было напрасно. Лучшие полицейские ищейки пребывали в отчаянии. Страстно желали разоблачения этой вредной организации и местные власти – женщины в делах политических представляют гораздо большую опасность, нежели мужчины (события 1862 года – лучшее тому свидетельство²).

Если женщины хотят революцию, они ее получают.

В году же 1826-м в Европе было неспокойно. Франция готовила те знаменитые дни июля 1830 года³, в течение которых сбросила иго не только короля, но и церковников; Германию сотрясали волнения; Венгрия и Польша жаждали свободы; Италия была наводнена заговорщиками – повсюду опасались мятежей и восстаний.

В один из пасмурных летних вечеров – штука довольно редкая под солнцем – к портовой пристани причалила некая шхуна; над палубой ее реял американский флаг.

¹ Карбонарии (*ит.* угольщики) – тайное политическое общество революционного оттенка, игравшее видную роль в истории Италии и Франции в первой половине XIX века.

² Имеется в виду спор короля Греции Оттона I и его бездетной супруги Амалии Ольденбургской, выбравших наследника престола среди своих родственников. Их семейный разлад взбудоражил греческое общество. Свергнутый с престола революцией 1862 года, Оттон I добровольно покинул Грецию.

³ Июльская революция, или Вторая французская революция – восстание в июле 1830 года во Франции, приведшее к свержению Карла X Бурбона и возведению на престол его родственника из Орлеанского дома, Луи-Филиппа I. Это событие ознаменовало становление либерального режима, торжество принципа народного суверенитета над принципом божественного права короля и окончательное торжество буржуазии над земельной аристократией. Дни восстания в Париже (27, 28 и 29 июля) современники называли «Тремя славными днями».

Бросив якорь, судно прошло осмотр, и, после того как были соблюдены все необходимые в таких случаях формальности, капитан брига, два моряка и совсем еще юный матрос спустились на берег.

От внимания сбиров⁴, которым есть дело до всего, не ускользнуло, что какое-то время спустя на борт корабля вернулся один лишь капитан. Утром бриг поднял якорь, снялся с рейда и ушел в нейтральные воды, туда, где перестает действовать право досмотра и заканчиваются юрисдикции береговых властей.

Доклад об этом немедленно ушел в полицию, и та, немало обеспокоенная и решившая, что в Неаполе высадились три эмиссара, сделала все, чтобы выйти на их след.

Помощь сбирам – совершенно неожиданная – пришла со стороны местных воришек. Вот как было дело.

Неаполь, особенно в то время, был наводнен хулиганами, с небывалой дерзостью грабившими людей не только на темных улицах, но и на тех, которые были слегка освещены лампами, горевшими перед столь часто встречавшимися в городе статуями Девы Марии.

Лаццарони⁵ последовали за чужеземцами-моряками.

Лаццарони всегда пытаются любезно получить то, что забирают силой, если их требования остаются без ответа.

Они попросили милостыню. Капитан был щедр. По всей видимости, ценой большого подаяния он надеялся избавиться от попрошаек, но, видимо, плохо знал лаццарони – те стали лишь еще более назойливыми.

Тогда и молодой матрос, полагая, что поступает правильно, повторил жест капитана, бросив обступившим его людям серебряную монету. Лаццарони начали напирать, окружив моряков.

Будучи настоящим янки, капитан вытащил из кармана пистолет и, показав его нищим, выкрикнул на ломаном итальянском:

– Отойдите или буду стрелять!

Лаццарони разлетелись по сторонам, словно стайка воробьев. Но, остановившись шагах в сорока от матросов, они, судя по всему, сочли, что находятся в безопасности, и принялись осыпать градом камней и проклятий этих иностранцев, которые посмели угрожать честному люду Неаполя.

Крайне раздосадованные сим фактом, матросы приняли довольно-таки странное решение.

Темнело, и полиции, как всегда, когда дело не касается политики, нигде не было видно. Улицы оставались за сильнейшими.

Американцы двинулись на лаццарони, и те, удивленные этим маневром, вступили в бой – с удвоенной энергией принялись закидывать противников булыжниками.

Янки не отвечали, но когда один из нищих подходил слишком близко, капитан наводил на него пистолет, и лаццарони отступал.

Следует заметить, что молодой матрос быстро куда-то исчез, а по истечении получаса сражения – совершенно пассивного со стороны осажденных – его примеру последовали и двое других моряков.

Капитан остался один.

Через несколько минут после ухода товарищей он спокойно положил пистолет в карман и громко позвал лаццарони, показав им свой кошелек. Те тотчас же ринулись к нему.

⁴ Сбир (*ит.* sbirro) – полицейский агент в Италии. Первоначально – низший служащий инквизиции. Название происходит от цвета униформы инквизиции (от *лат.* birtus, birtus – огненный, рыжий).

⁵ Лаццарони (*ит.* бездельники, босяки) – прозвище неаполитанской бедноты.

Американец был широкоплеч и, зажав кошелек в левой руке, мощнейшим ударом кулака правой отправил на землю первого же противника, а затем, загнав других в сточную канаву, с лихвой отплатил за те несколько синяков, что украсили его тело в результате меткого попадания камней.

Наконец появился патруль.

Капитан объяснил суть дела, полицейские разогнали нищих, и моряк вернулся на корабль.

Но другая сцена, более драматичная, разыгралась на одной из улочек нижнего квартала, где исчезли трое моряков.

Перед уходом молодой матрос обменялся с капитаном несколькими фразами.

– Я должен оказаться там любой ценой, – сказал он. – Задержите этих негодяев.

И, обращаясь к остальным, добавил:

– Помогите капитану и приходите в известное вам место.

– Но вы?.. – воскликнул капитан. – Будьте осторожны! Совершенно одна...

– Сейчас не время для колебаний. Кроме того, морская форма мне поможет.

Юный матрос был женщиной, и женщиной красивой. Она спешила. Отлично зная дорогу и быстро продвигаясь от одной улочки к другой, женщина бросала беспокойные взгляды направо и налево, так как осознала, что находится в крайне опасном месте.

Не знала она другого: моряки, особенно передвигающиеся по городу в одиночку, чаще, чем кто-либо еще, подвергаются ночным нападениям – грабителям известно, что матрос никогда не сходит на берег с пустыми карманами.

На одной из аллей трое подозрительных типов преградили молодой женщине дорогу.

– Кошелек, малыш! – прозвучало в ночи.

Задрожав от страха, женщина не заставила повторять требование дважды и бросила кошелек одному из грабителей. Другой, подскочив к ней, начал обыскивать, и она взмолилась о пощаде.

– Смотрите-ка – женщина! – воскликнул мерзавец. – И, похоже, весьма состоятельная. Один поцелуй, принцесса?

Молодая женщина позвала на помощь, но ей тотчас же заткнули рот.

И тут появились двое портовых рыбаков: громадного роста крепыш и юноша лет четырнадцати, рядом с товарищем казавшийся карликом.

Он быстро оценили ситуацию и набросились на грабителей. Великан сразу уложил одного ударом огромного кулака; паренек пронзил другого ножом. Третий грабитель предпочел унести ноги.

Молодая женщина была спасена. Но ее шерстяная рубаха внезапно распахнулась, и юноша увидел, что освободил даму, а не простого матроса.

Поклонившись ей уважительно и грациозно, он сказал звонким голосом:

– Синьора, мой друг и я – в вашем полном распоряжении. Куда вас проводить?

Рыбак выразался как дворянин и, похоже, имел манеры принца. Женщина, до того смотревшая на него с опаской, мгновенно успокоилась. Она перевела взгляд на великана – тот тоже выглядел вполне надежным.

– Могу я узнать, кто вы? – спросила она.

– Меня, – отвечал юноша, – называют Королем набережных, или Королем песчаного берега, а это – мой наперсник.

Молодая женщина решила, что ее спаситель – сын богатых родителей и, желая сохранить инкогнито, прогуливается по ночному городу в поисках любовных приключений, переодевшись рыбаком.

Она колебалась.

– Сударыня, – промолвил юноша, – вы имеете дело с порядочными людьми, которые покинут вас тогда, когда вы сами того пожелаете, и будут немы как рыбы.

– В таком случае я согласна, – сказала женщина и взяла рыбака под руку.

По дороге юноша попытался разглядеть свою спутницу получше, но та надвинула берет на глаза, и он успел лишь заметить, что она весьма красива. В остальном же парень вел себя по-рыцарски – вопросов не задавал, неподобающих жестов не делал.

На углу улицы красавица остановилась и спросила:

– Вы будете галантным до конца, заслужив тем самым уважение женщины?

– Я сделаю все, что вы пожелаете, – отвечал рыбак.

– Тогда оставайтесь здесь и не смотрите, куда я пойду. Если в течение пяти минут я вас не позову – уходите.

– Будет исполнено.

– А теперь скажите – как вас зовут на самом деле? Я хочу знать, кому обязана столь большой услугой, ведь вы спасли мне жизнь и, возможно, честь.

– Сударыня, я – Король песчаного берега.

– Вы не желаете открыть мне свое настоящее имя? Жаль. Пусть я и женщина, но секреты хранить умею.

– Сударыня, явитесь в порт, спросите Короля песчаного берега – и вы поймете, что я говорил правду.

Взглянув на юношу удивленно, она протянула ему руку, которую он поцеловал, и удалилась.

По истечении пяти минут юноша сказал своему спутнику:

– Она прелестна, не правда ли? Я бы два пальца отдал ради того, чтобы поцеловать ее в губы.

– Так чего ж не поцеловал-то? – проворчал великан.

– Это было бы хамством. Не быть тебе благородным человеком, Вендрамин!

– Плевать я на это хотел!

Юноша рассмеялся.

Вдруг, откуда ни возьмись, появились двое сбиров.

– Гляди-ка, шпики.

Сбиры приблизились.

– Именем короля, мы вас арестуем! – сказали они.

– Вот так вот! – воскликнул юноша. – И за что же?

– Потому что вы, – проговорил один из шпииков, – переодетая женщина, и мы подозреваем, что вы оба являетесь заговорщиками. Следуйте за нами.

– Ого! Вот так заявление! Слыхал? – рассмеялся юноша.

Его приятель тоже покатился со смеху, то и дело повторяя:

– Женщина! Он говорит, что ты – женщина!

Но сбиры не разделяли их веселья и попытались задержать рыбаков.

Паренек, не переставая смеяться, резко выбросил ногу в сторону, отправив одного из полицейских на мостовую. Великан схватил за пояс второго и принялся крутить над головой. Сбиры шарахнулись в стороны, но кто-то из них дунул в свисток. Патруль не замедлил себя ждать.

– Зададим им жару! – воскликнул юноша.

Великан отверг это предложение. Схватив товарища за ворот, он сунул его себе под мышку и рванул прочь.

Патруль попытался было их преследовать, но возмутители спокойствия уже исчезли в ночи.

На следующий день на стол министру полиции легли сразу несколько рапортов, из которых следовало, что в Неаполе высадилась активистка общества карбонариев, переодетая матросом.

Как уже было сказано, итальянская администрация, сперва не обращавшая внимания на эту тайную женскую ассоциацию местных патриотов, вскоре начала всерьез опасаться. На выявление ее членов разъяренная неаполитанская полиция бросила все силы.

И, следует сказать, злоба эта была вполне обоснованной.

Эти женщины высекли розгами одного из королевских генералов. И связанного, голого, с пучком прутьев за перевязью, оставили в публичном месте.

Полагали также, что благодаря некоей хитроумной комбинации заговорщиц из государственной тюрьмы удалось бежать нескольким пленникам.

Наконец сам неаполитанский король Франческо⁶, коего именовали королем лаццарони, преспокойно гуляя как-то вечером по своей любимой набережной, получил удар стилетом от некоей женщины, которая была в маске – хорошо, рана оказалась неопасной.

Вот почему сей блестящий король горел страстным желанием заполучить в свои руки хоть одну из этих патриоток, чтобы затем под пытками вырвать из нее все тайны этого общества.

Король Неаполя был своеобразным человеком. Жестокость в нем странным образом соседствовала с добротой; узость мыслей то и дело сменялась широтой взглядов; иногда он бывал милосерден, но чаще – безжалостен; отвага и дерзость приводили его в восторг, тогда как другие замечательные черты характера зачастую оставляли его равнодушным.

На следующий день после описанных выше событий он ожидал в своем кабинете доклада министра полиции.

Герцог Х... (чтобы пощадить самолюбие его семьи, назовем его Корнарини), так вот, герцог Корнарини был гнусным человеком, но превосходным министром и имел столь необходимую для любого придворного склонность к низкопоклонничеству. Лисий профиль его навел на мысль, что в какой-то степени то был человек коварный и хитрый, в остальном же герцог был готов на любую подлость. Он был невежествен, глуп, самодоволен и пошл, но никогда не отказывался нести ответственность за какой-либо возмутительный акт, вследствие чего король видел в нем одного из самых верных своих слуг. Тем не менее его трусость, скаредность и необъяснимое умение нести полную чушь постоянно становились предметом насмешек монарха, не скупившегося на иронические замечания.

Корнарини вошел в кабинет с торжествующим видом.

– Сир, – сказал он, – одна из них попала в наши сети.

Простив герцогу сие несоблюдение этикета, король вздрогнул от удовольствия – он понял, что речь идет о заговорщице, – и спросил:

– Когда вы ее арестовали?

Министр несколько приуныл.

– Арест еще не произведен, – пояснил он, – но эта женщина уже у нас под пятой.

– Так раздавите гадину.

– Ваше Величество понимают, что я выражаюсь фигурально. У нас есть абсолютная уверенность, что одна из участниц этого тайного общества высадилась накануне в Неаполе. Мы ее выследили и даже имеем приметы.

– Приметы? Ну-ка, ну-ка...

– Это женщина среднего роста.

– И все?

– Ну... э...

⁶ Франческо I (1777–1830) – второй король Обеих Сицилий (с 1825 года), сын Фердинанда I.

- Блондинка или брюнетка?
- Волосы ее скрывала мантилья.
- Полная или худая?
- Она была в плаще.
- Хорошенькая или уродина?
- Лицо ее было закрыто вуалью.

Король рассмеялся.

- Ваше Величество...

– Но, болван, все, что ты знаешь, это лишь то, что она была среднего роста... А что, если она была в туфлях на высоких каблуках или толстой подошве? Твои агенты ведь не заглядывали ей под юбки?

– Сир, однажды мои люди уже сорвали маску с одной женщины в надежде обнаружить под ней одну из тех проклятых карбонариев, что причинили нам столько вреда...

– И то оказалась принцесса Ламбелла, переодетой вышедшая в город в поисках любовных приключений... Мне это известно.

- Сир, мне тогда крепко от вас досталось.

– И поделом.

– Я наказал своих людей.

– И правильно сделал.

– С тех пор они не решаются срывать вуали.

Король пожал плечами.

– Герцог, – промолвил он, – сбир – это человек, у которого есть рука и плечи. Плечи – для того чтобы получать град ударов палкой в случае, если он имел дерзость вызвать скандал, воспрепятствовав амурным делам принцессы, рука – для того чтобы получать зарплату, но лишь в том случае, если он задержал члена одного из тайных обществ. Так вот, я подозреваю, что вам больше нравится как машут палкой, чем развязывать тесьму на вашем кошельке... моем кошельке.

- Уж не думает ли Ваше Величество...

– Я уверен, что ты меня обворовываешь, герцог, но не могу тебя наказать, бедный мой Корнарини. Ты не достоин того, чтобы быть обезглавленным. Это казнь для человека благородного, и такой презренный трус, как ты, ее не заслуживает... С другой стороны, герцогов не вешают, поэтому я тебя и не наказываю. Но, похоже, мне все-таки следует подобрать для тебя подходящую смерть... Однако вернемся к этой женщине. Как ты собираешься ее брать?

– Сир, – проговорил обиженный выпадом короля герцог, – на сей раз Ваше Величество будет довольно... Я разработал отличный план.

- Неужели?

– Прежде всего я постарался не допустить утечки имеющихся у нас сведений и уверен, что эта женщина и не подозревает, что мы взяли след.

- Хорошо, – сказал король. – Вот только кажется мне, что это была не твоя идея.

Герцог покраснел, но продолжал:

– Мы убеждены, что она приплыла на корабле, который под американским флагом стоит сейчас в открытом море, вне наших вод.

- Эти американцы! – проворчал король. – Вечно лезут во все, что их не касается!

– Полагаю, интересующая нас женщина в один из погожих деньков попытается на лодке добраться до шхуны, которая ожидает ее вне пределов нашей морской юрисдикции.

- Ты сам до этого додумался?

– Сир, на службе Вашему Величеству самым глупым приходят в голову блестящие мысли.

- Определенно, – пробормотал король, – льстец в тебе преобладает над министром.

– Могу предположить, что для того, чтобы не привлекать к себе внимание, эта женщина переоденется в матроса. Я уже приказал усилить наблюдение за портом: все курсирующие вдоль берега шлюпки находятся под неусыпным контролем наших агентов. По моему распоряжению, особое внимание они уделяют молодым мужчинам, которые могут оказаться женщинами.

– Великолепно!.. Вот уж действительно, Корнарини, повезло тебе так повезло – мало того, что родился герцогом, так еще и самодержца в правителях имеешь.

– Не понимаю, к чему вы клоните, сир?

– Да к тому, что ты бы никогда не стал министром, не имей своего имени, и не будь я абсолютным властителем. При демократическом режиме министром был бы твой скромный заместитель, Луиджи Фаринелли, тот сообразительный юноша, что подкидывает тебе идеи и выдумывает за тебя планы.

– Я рад, что Ваше Величество так ценят этого юношу, – сказал министр, проглотив оскорбление. – Мне он тоже нравится, и я не премину выказать ему свое особое расположение.

– Но не слишком особое, герцог! – строго промолвил король и повторил: – Не слишком особое... Ступай.

Почтительно поклонившись, Корнарини удалился.

Вернувшись к себе, он вызвал заместителя.

– Король желает видеть результаты, маэстро Луиджи. Завалите дело – отправитесь на каторгу. Я вас предупредил.

– А не обещал ли король осыпать дублонами того, кто поймает эту женщину?

– Изволишь шутить, негодяй?

– Простите, ваше превосходительство.

И, щелкнув каблуками, офицер полиции ретировался.

Ладно скроенный, смелый, слишком красивый для сбира, Луиджи был тщеславен, любил деньги и хотел преуспеть в жизни. Он был негодяем, сутенером, ничтожеством, но мало чего боялся.

– Похоже, пришло время покончить с этим раз и навсегда, – прошептал он, выйдя от министра.

Спустя четверть часа Луиджи стоял перед королем.

– Сир, – сказал он, – позвольте мне быть с вами откровенным, это касается моей службы вам.

– Говори! – молвил король.

– Сир, я – один из тех, что призваны следить за порядком в Неаполе, и, должен признаться, обеспечить его нам удается не всегда.

– Думаешь, я этого не знаю?

– Нет, сир. На моих плечах еще осталось одно из свидетельств того, что Ваше Величество не очень довольны своими сбирами.

– Тебя били?

– Да, сир.

– Но ты, однако же, не простой сбир. Я не желаю, чтобы высшие полицейские чины постигла участь их подчиненных.

– Вы правы, Ваше Величество. Но, если позволите заметить, полиция есть не что иное, как армия, ведущая особую войну с врагами государства внутри королевства.

– Лучше и не выразишься!

– Вы слишком добры, Ваше Величество. Так вот: войну эту мы ведем плохо, так как ей недостает нервов⁷.

⁷ «Нервы войны – деньги» – перефразированная Цицероном строка древнегреческого поэта Биона.

– Ты хочешь сказать, герцог вам не платит?

– И правильно делает, – смело отвечал сбир. – На его месте я поступал бы так же.

На лице короля отразилось непонимание.

– Сир, все стремятся к богатству – как великие мира сего, так и простой народ. Короли крадут провинции у своих соседей, министры – деньги у своих королей, крестьянин – курицу у себе подобного.

Губы короля растянулись в улыбке.

– Но если меня будут постоянно обкрадывать, – сказал он, – как я могу рассчитывать на хорошую службу полиции?

– Важные дела требуют индивидуального к себе подхода. И, разумеется, хорошей оплаты.

– Не могу с тобой не согласиться.

– В случае раскрытия заговора я хотел бы рассчитывать на тысячу или сотню дублонов – в зависимости от его серьезности – со стороны вашего величества.

– Да за такие деньги, – воскликнул король, – ты мне дюжину заговорщиков предъявишь!

– Сир, не такой уж это и плохой способ для того, чтобы заполнить ваши тюрьмы революционерами.

– Определенно, ты мне подходишь. Ты ведь здесь из-за этой женщины?

– Да, сир.

– И ты уверен в том, что она что-то против нас замышляет?

– Абсолютно.

– Сколько ты за нее хочешь?

– Триста ливров.

– Ты скромн... Хорошо, договорились.

– И еще одно, сир, если позволите... Герцог слишком горд.

– Ты хочешь сказать – тщеславен.

– Так выразиться, сир, я себе позволить не могу. Так вот, мне не хотелось бы, чтобы он прознал про наш уговор.

– От меня он ничего не услышит, пройдоха. Я люблю своих сбиров, и, придя ко мне, ты поступил совершенно правильно. Поймаешь мерзавку – я этого не забуду, обещаю. Ступай.

Поклонившись, Фаринелли удалился.

Выйдя из дворца, он довольно потер руки и прошептал:

– Поймаю, обязательно поймаю.

Глава II, в которой для ничего не подозревающего старого генерала готовят рай, грозящий оказаться адом

Покинув двух своих защитников, женщина, переодетая матросом, скрылась за поворотом и вскоре постучала в дверь одного из домов.

Ей открыли.

Пробыв в доме, где ее приняли, около часа, она вновь вышла на улицу, но уже в женской одежде, скрыв лицо под вуалью. Затерявшись в толпе прохожих, она добралась до отеля, который снимала местная примадонна из театра Сан-Карло.

Вышедшая навстречу горничная вскрикнула от изумления.

– Как! Вы, госпожа маркиза?! Здесь!

– Да, – сказала молодая женщина. – Проводи меня в будуар твоей хозяйки, я подожду ее там. Мне нужны перо и чернила.

И, удобно устроившись за маленьким столиком, она принялась что-то быстро писать.

Этой сподвижницей карбонариев, этой героиней, была маркиза Дезенцано, обладательница сорокамиллионного состояния, вдова патриота, расстрелянного три года назад в Неаполе по приказу короля Франческо. Обладая не только огромными деньгами, но и исключительным умом и редкой отвагой, маркиза сумела создать тайное общество итальянских карбонариев, коим она руководила с талантом, которому воздал бы должное и сам Манин⁸.

Все в этой женщине свидетельствовало об аристократическом происхождении, и достоинство это проглядывало даже сейчас, в момент полной сосредоточенности. Такими, по всей видимости, были жены патрициев.

Ее отличала необыкновенная красота.

То была истинная неаполитанка, являвшая собой тот тип женщин, что так характерен для юга Италии. Лишь женщины этого благословенного края обладают столь пышными, цвета вороного крыла, волосами, что спадают на плечи королевской мантией, прикрывающей обнаженные плечи, когда они выходят из ванны, привлекая к себе нескромные взгляды. Лишь у них, настоящих неаполитанок, в глазах бегают озорные огоньки, купающиеся в слезах бесконечной нежности, когда в их сердце пылает пламя желаний, и зверино-хищные, когда их переполняет ревность.

Впрочем, пылающие огнем глаза ее в тот час были скрыты вуалью, но под складками платья вырисовывались очертания фигуры таких пленительных форм, о каких мечтает любой художник.

Шею ее опоясывал столь любимый нашими предками тройной воротничок. Три эти складки ласкали взор; ее пышная грудь, это плохо скрываемое сокровище, обещала весь мир тайных прелестей; вырисовывавшееся под юбкой колено очаровательно подчеркивали складки платья, которое с непринужденной грацией падало на ножку столь миленькую, что даже законченный интеллигент, завидев ее, потерял бы голову.

Прав был Брантом: лодыжка у женщины мало что значит, так мало, что до нее не опускаются даже самые целомудренные дамские панталоны; но если очертания совершенны, то вид ее пробуждает не меньше чувств, чем лицо или грудь.

И никогда еще талия не была столь богатой на изгибы, на гармонично смягченные контуры, как талия этой молодой итальянки.

⁸ Людовико Манин (1726–1802) – последний дож Венецианской республики.

Внезапно в прихожей раздались шум шагов и шуршание юбок, дверь будуара открылась, на пороге комнаты показалась молодая женщина и тотчас же бросилась на шею маркизе, которая порывисто ее обняла.

– Наконец-то ты приехала, Луиза! – воскликнула примадонна. – А то я уже начала волноваться. Слуги сообщили мне о твоём приходе, но я смогла освободиться лишь после спектакля. Столько хлопот, знаешь ли...

– Бедняжка! – молвила маркиза. – А я вот лишь чудом избежала огромной опасности! Актриса побледнела.

Она была безгранично предана маркизе, которой была обязана всем.

Маркиза же относилась к этому очаровательному созданию скорее по-матерински и даже прощала подруге неподобающее, если здесь уместно это слово, поведение (милая блондинка часто прислушивалась к тем голосам, что шептали ей слова любви; впрочем, женщиной слишком доступной ее назвать все же было нельзя). Она зарабатывала сто тысяч франков в год, и маркиза, чей доход был огромен, удовлетворяла самые дорогие капризы своей любимой Кармен.

– Да, *sa mîa*⁹, – повторила маркиза, – опасность была, да еще какая!

– О, расскажи мне об этом! – воскликнула примадонна.

Подвинув к себе обитый бархатом табурет, она уселась у ног маркизы, опустила подбородок на колени подруги и, взяв ее руки в свои, сказала:

– Я слушаю, напугай же меня, как прежде.

– Дитя! – вздохнула маркиза и поцеловала Кармен. – Представь же себе, ангел мой, что я явилась в Неаполь для того, чтобы поручить тебе дело, к которому мы еще вернемся. Один американский капитан, который стоял на приколе в Марселе в ожидании указаний своих судовладельцев, согласился доставить меня сюда. Документы у него были в порядке, времени – хоть отбавляй, и он был рад возможности заработать хорошие деньги и подшутить над королем Неаполя. На берег мы сошли переодетые моряками, вместе с двумя ссыльными, которые хотят попытаться поднять в Неаполе восстание.

Кармен перебила подругу, чтобы сказать:

– Ты, наверное, была очаровательна в морской форме.

– Перестань, подхалимка! – улыбнулась маркиза и продолжала:

– К нам прицепились лаццарони, и у меня не было никакой возможности дойти в известное тебе место, и тогда янки как истинный джентльмен пожертвовал собой. Он преградил этим попрошайкам дорогу, и я смогла улизнуть. Ссыльные остались с капитаном. Вот так я и спаслась, а затем один благородный юноша, совсем еще мальчик, судя по одежде – рыбак (с ним еще был друг, огромного роста могучий парень) убил одного из приставших ко мне бандитов и проводил меня, и вот я здесь.

– И в полной безопасности!

– Лишь до завтрашнего вечера. Мне нужно будет вернуться на судно. Впрочем, полагаю, в костюме моряка я без труда ускользну от сбиров.

– Что ж, будем на это надеяться. Но что же твой спаситель, как его звали?

– Король набережных.

– Этот красавец-рыбачок!

– Так ты его знаешь?

– Ну разумеется. Он сирота, но мальчик красивый и благовоспитанный; обожаем лаццарони и всей неаполитанской чернью.

– Я приняла его по меньшей мере за принца.

– И, возможно, была недалеко от истины.

⁹ Моя дорогая (*um.*).

– Ты говоришь о нем с такой страстью...

– Ах, моя дорогая, это уже мужчина... хотя он молод... ragazzo¹⁰. – Кармен вздохнула и несколько наивно добавила: – Но он вырастет.

Маркиза призадумалась.

– Я тебя расстроила, – сказала Кармен. – Какая же я дура! Говорить с тобой о любви... когда речь идет о делах, столь важных.

Маркиза улыбнулась.

– Я тебя прощаю. Этот мальчик заслуживает того, чтобы быть любимым. Он вел себя со мной так по-рыцарски, был так любезен, так отважен, что, честное слово... если бы, как ты... я была столь безумным созданием... актрисой, у которой нет других забот, кроме искусства и любви... я бы, наверное, не устояла.

Кармен бросилась сестре на шею.

– Ты такая милая! – сказала она. – Ты сама добродетель и всегда так снисходительна к моим капризам!

Маркиза смерила ее многозначительным взглядом, а затем довольно-таки резко бросила:

– Теперь поговорим серьезно.

Она нахмурилась. Кармен попыталась подняться.

– Если со мной собирается говорить не сестра, а повелительница, то я должна принять более достойное и подходящее положение, госпожа маркиза.

– Глупышка! Не вставай.

Кармен привычно, словно избалованный ребенок, устроилась удобнее на табурете.

– Когда-то я помогла тебе дебютировать в Париже, чтобы ты могла заработать репутацию, – сказала маркиза молочной сестре, которая слушала ее с некоторым беспокойством.

– Да, так оно и было, и репутацию эту я сохранила, – отвечала актриса.

– Когда твой ангажемент окончился, я отправила тебя сюда, и, как ты знаешь, не без задней мысли.

– Это правда. Так ты хочешь наконец дать мне задание?

И, вскочив на ноги, Кармен радостно захлопала в ладоши, но быстро спохватилась.

– Нет, будем серьезными, – сказала она. – Если тебе пришла наконец в голову здравая мысль как-то использовать меня в том огромном заговоре, который ты готовишь, я должна быть благоразумной, иначе быстро выйду из твоего доверия.

– Будь сколь угодно ветреной, но только постарайся нигде не выдать наших секретов и беспрекословно исполнить мои указания.

– Дорогая Луиза, ты можешь не сомневаться во мне; нежностью, которую я к тебе питаю, горячей любовью к родине своей, я клянусь тебе, что ты можешь всецело на меня рассчитывать. Я и так слишком долго и сильно страдала от осознания того, что ты никак меня не используешь. Другие женщины из твоего окружения постоянно получали задания, я же – никогда, и была этим крайне обижена, ну да ладно!

Маркиза улыбнулась.

– Я берегла тебя для великого дела, как генералы берегут лучших солдат для важнейших сражений, – сказала она.

– Правда?

– Да.

– Дай же я тебя обниму в таком случае!

И, радостная, она бросилась сестре на шею.

– Здесь, в Неаполе, есть один влиятельный генерал, который доставляет нам немало хлопот.

¹⁰ Мальчик, паренек (*ит.*).

– Как неблагоприятно с его стороны! – заметила Кармен.

– Наши самые красивые сестры ничего не смогли добиться от этого типа.

– Смелчак! Не обращать внимания на женщин! Да он заслуживает самой ужасной расправы!

– В общем, вся надежда на тебя; постарайся преуспеть. Если и ты потерпишь неудачу – все будет потеряно. Ты моя старая гвардия; я бросаю тебя на врага, так выиграй же мне это сражение.

– Маркиза, твой генерал никуда от меня не денется; доставлю тебе его связанным по рукам и ногам.

– Очень на это надеюсь. Но, предупреждаю, это будет совсем не просто. Этот старикан – стреляный воробей. Недоверчивый и хитрый, кажется, вот-вот он клюнет на приманку, но каждый раз срывается с крючка.

– Говорю же тебе, он будет мой, – и Кармен упрямо топнула ногой о пол. – Видела ты когда-нибудь женщину, более желанную, чем я? Да ни один мужчина не устоит перед этим; посмотри. – И она улыбнулась столь обольстительно, что от улыбки ее покраснел бы и пуританин. – Сильно он уродлив, этот твой генерал? А то мне придется искать утешения на стороне.

– Негодница! Думает о любви, когда речь идет о столь важном деле! Упаси боже потерять все из-за подобной глупости.

Кармен сокрушенно покачала головой.

– Луиза, мне иногда бывает так жаль тебя! Известно ли тебе, что первое оружие женщины против человека пожилого – это ревность.

– Возможно, ты и права.

Маркиза улыбнулась.

Кармен, увидев, что сестра согласна, бросилась ее обнимать.

– Дорогая моя Луиза, – промурлыкала она, – как мило с твоей стороны оставить для меня этого свирепого генерала. Как его имя?

– Оно здесь, со всеми указаниями.

Маркиза протянула письмо.

– Отлично! – воскликнула актриса. – Можешь на меня положиться.

– Позднее, когда этот тип окажется в твоих руках, получишь новые инструкции. А теперь – спокойной ночи. Я жутко хочу спать.

– Ложись на мою кровать, – сказала Кармен, – я спую тебе баркаролу.

Маркиза покачала головой с многозначительным видом.

– Но почему? – опечалилась Кармен.

Ничего не ответив, маркиза крепко обняла сестру и быстро удалилась.

Ошеломленная, Кармен не сразу пришла в себя, а когда пришла, прошептала:

– Почему она не мужчина? Боже, как бы я ее любила!

И, тяжело вздохнув, направилась к своему алькову.

Глава III. Каким был Король набережных

Сын неизвестных родителей, он был принят в семью лодочника и воспитан не хуже сына какого-нибудь принца.

Обожаемый приемной семьей, любимый матросами и рыбаками, Паоло был единодушно признан Королем набережных, поскольку все просто души в нем не чаяли. Не было такой шлюпки, где бы его не привечали; не было такого грубого голоса, который бы не смягчился в разговоре с ним. Лодочник, взявшийся заботиться о нем, должно быть, получал неплохие деньги на его воспитание, так как не жалел золота на наряды, питание и обучение Паоло.

С восьми лет у него появился собственный наставник, и учеником мальчик оказался способным. У него был один из тех редких умов, не по годам развитых и в то же время крепких, которые быстро соображают, хорошо запоминают и тянутся к знаниям.

Тем не менее паренек питал такую страсть к морю, что его приемный отец часто повторял: – Мне приказано сделать из него ученого – я повинуюсь, но, клянусь Девой Марией, он станет моряком.

Паоло пользовался любой возможностью выйти в море на лодке.

Он так сильно надоедал отцу Вендрамину и своим братьям, что десятки раз добивался разрешения выйти с ними в каботажное плавание.

Было подмечено, что он страстно желал знать все, что позволяет человеку управлять кораблем.

Он пожелал научиться стоять у руля – и вскоре овладел этим мастерством в совершенстве.

Вскоре, к великой тайной радости папаши Вендрамина, он уже умел свернуть паруса, брать рифы и делать все то – причем делать превосходно, – что должен делать марсовый.

Кроме того, Паоло занялся изучением морских карт, особенно тех, что относились к Средиземному морю – их у него собралась целая коллекция. Он научился определять местонахождение судна, с предельной точностью устанавливать широту и долготу и вскоре изумлял старых лоцманов знанием практики морского судоходства, а портовых капитанов – ее теории. Трижды или четырежды он один выходил в море на остроносой лодке старшего из своих приемных братьев и приводил ее в Марсель при встречных ветрах, маневрируя как отважный морской волк.

Паоло был особенным ребенком – ужасно надменным, но крайне волевым и честолюбивым. Вряд ли кто догадывался, какие буйные мечты скрывались под обманчивой открытостью. Он не только читал Байрона в переводах на итальянский, но и прочел множество морских романов.

Он хотел быть властителем моря.

Этот четырнадцатилетний паренек изучал новые философские системы, с лихорадочным рвением решал сложные задачи; во всем, за что бы ни брался, он добивался успехов, за исключением любви. Он уже чувствовал странное kloкотание в груди, но взрыва все никак не происходило. Лет с десяти, не переставая отчаянно учиться, он не менее исступленно развлекался. Он был завсегдаем кабачков, а по ночам бродил по улочкам в поисках приключений. В его белокурой головке уже созрела мысль о том, кем ему хотелось бы стать, и вскоре Паоло понял, что пробил час начать новую жизнь.

В своей приемной семье юноша нашел того, кому предстояло помочь ему в осуществлении задуманного. Помощником этим стал старший сын Вендрамина, двухметровый великан, колосс, каких часто можно было встретить в древности и какие все реже попадают в наши дни.

Как старшего сына все называли его по фамилии – Вендрамин. У него были железные мускулы и золотое сердце. Пусть он и был простодушным, недалеким грубияном, никогда не

имевшим собственных мыслей, но он умел любить, быть верным. Он обожал Паоло, который стал для него богом: Паоло приказывал – он подчинялся. Вместе с братом он совершал различные шалости, поколачивал патрульных и сборов, бил стекла и посещал кабачки; когда шумел Паоло, шумел и он, и шумел оглушительно. Когда стычка становилась слишком опасной, он сгребал Паоло в охапку и уносил ноги, проявляя невероятную хитрость и сноровку. В прочих отношениях Вендрамин был глуп как пробка.

Вот какими были спасители маркизы.

В тот день, когда они ее встретили, Паоло как раз стукнуло четырнадцать, по случаю чего он пожелал закатить пиршество на свежем воздухе, чтобы иметь больше места – ведь у него столько друзей! На пирушку явилось около сотни моряков.

Когда подошло время десерта, Паоло поднялся из-за стола.

– Отец, – сказал он Вендрамину, – я часто выпытывал у тебя тайну моего рождения, но ты всегда отказывался мне ее выдать, не так ли?

Старый рыбак всем своим видом показывал, что Паоло выбрал не самое подходящее время и место для подобного разговора.

Твердая решимость зажглась в его взгляде, и все поняли, что сейчас произойдет нечто совершенно неожиданное.

Паоло продолжал.

Потрясенные, Вендрамин и гости слушали Паоло с открытыми ртами.

– Как вы знаете, я многому научился. Пусть я всего лишь мальчишка, но тем не менее уверен: нет в жизни ни Бога, ни дьявола, ни Девы Марии, ни ада – ничего, кроме удовольствия, прекрасных девушек и хорошего вина.

– Несчастный! – воскликнул рыбак.

– Богохульник! – вскричали сто глоток.

– Он пьян, бедняжка, – снисходительно прошептали девчушки.

– Он одержим! – воскликнули старики.

Но один пожилой рыбак, чей авторитет был бесспорен, сказал:

– Тишина!

Все тотчас же смолкли.

– Пусть парень объяснится! – приказал он.

Этот старик объехал множество морей и стран, служил Французской республике, лично разбогател, хотя никто и не знал, как; но у него был крест ордена Почетного легиона, врученный Наполеоном, он пользовался всеобщим уважением и, по слухам, совершил немало чудесных подвигов.

Паоло поблагодарил старца дружеским жестом и смело промолвил:

– Мне нужна свобода. Я ведь был хорошим сыном. Вендрамину грех жаловаться на меня.

– Это правда! – подтвердили несколько человек.

– Но я здесь, как легкий парусник, пришвартованный к пирсу. Подует ветер – и, если канат не перерезать, парусник разобьется. Если Вендрамин не отпустит мой перлинь, я сам его сорву, и очень скоро.

– Но чем ты хочешь заняться, негодник? – со слезами на глазах воскликнул старый рыбак.

Паоло обвел собравшихся взглядом и сказал:

– Я хочу стать корсаром.

Гости содрогнулись.

– Да! – повторил он. – Да, я буду корсаром. Знаменитым корсаром... И ничто не может мне в этом помешать.

Лицо Вендрамина исказилось.

– Кто вбил ему в голову подобные мысли? – пробормотал он. – Должно быть, те проклятые книги, что всегда у него под рукой!

– Боже мой, да, – сказал Паоло. – Да, это из книг я узнал, что нет ничего более прекрасного, более желанного, более достойного человека отважного, чем жизнь морского разбойника, жизнь, о которой все вы мечтали в двадцать лет, но на которую, ввиду слабоволия, так и не решились. Я же, в отличие от вас, чувствую в себе энергию, и я стану корсаром... Ну что, выпьем за мои будущие успехи?

До краев наполнив стакан, Паоло поднял его, и никто не осмелился его урезонить.

Старый рыбак поднялся на ноги, плеснул себе вина и промолвил:

– Пью за твои доблестные подвиги, малыш. Уверен, вскоре все Средиземноморье будет знать твое имя. Я знавал много отважных капитанов, которых ни шрапнель, ни бури, ничто не могло остановить... В твои годы они были такими же. Начинаешь ты хорошо.

Сотня стаканов потянулась тогда к стакану Паоло, и в адрес его зазвучали здравицы.

– А теперь, – воскликнул юноша, гордый тем, что все, за исключением Вендрамина, поддерживали его, – танцы!

Он обхватил за талию красивую девушку, ударили тамбурины, и начался бал, радостный, оживленный, вскоре ставший безумным и шумным.

Один лишь Вендрамин не принимал участия в общем веселье.

Посреди праздника Паоло покинул гостей...

Его неразлучный спутник последовал за ним.

Стоя на берегу, юноша, который не знал ничего о судьбе спасенной им женщины, задумчиво смотрел на американский бриг, вышедший в открытое море.

Глава IV, в которой орла променяли на кукушку

Когда Паоло и Вендрамин добрались до набережной, уже наступил вечер, и все вокруг было затянуто легкой полупрозрачной дымкой.

Обычно Вендрамин следовал за другом без особых раздумий: Паоло никогда не посвящал его в свои планы заранее – он задавал направление, а великан послушно шел следом.

Однако на сей раз – впервые в жизни – колосс потребовал объяснений:

– Куда ты меня ведешь?

– На борт того корабля, – отвечал Паоло.

– Американского?

– Да.

– Мы покидаем Неаполь?

– Да.

– Надолго?

– Навсегда.

– Ах!..

Великан, казалось, задумался и, присев на камень, обхватил свою большую голову здоровенными руками.

– В чем дело? Ты со мной не поедешь? – спросил Паоло.

– Поеду. Просто стараюсь не расплакаться.

– Не стоит. Поплачь.

Гигант так и сделал: рыдания его напоминали рычание льва. Он проливал слезы, которых, как метко заметил бы Гомер, хватило бы для образования пары рек; он вздыхал так, что мог бы надуть и парус.

Паоло не беспокоил его минут пять, а затем сказал:

– Все, Вендрамин, хватит. Ты уже достаточно наревелся, вспоминая отца, семью, друзей, любимый Неаполь, свою лодку. А теперь возьми себя в руки и будь мужчиной, не то я оставлю тебя здесь.

Угроза подействовала.

Великан вытер слезы и, поднявшись на ноги, промолвил:

– Я готов.

– Подойдем к бригу на нашей шлюпке, – сказал Паоло. – Нас возьмут на борт, если прикинемся преследуемыми властями патриотами – революционерам американцы симпатизируют. Куда-нибудь эта шхуна нас да доставит... У меня есть немного золота... Главное сейчас – покинуть Италию, а там посмотрим: может, предложим свои услуги дею Алжира.

– И станем отступниками? – воскликнул великан и в ужасе вскинул вверх руки.

– Почему нет? – спросил Паоло.

И Вендрамин, который никогда не отличался здравомыслием, повторил:

– Почему нет?

Ничего путного в голову ему не приходило.

– Отвечай же! – настаивал Паоло.

– Я не знаю, – сказал великан и, обескураженный, опустил руки.

Великан почесал нос, затем ухо, задумался, но, так и не найдя что ответить, решил, что Паоло, как всегда, прав, и сказал:

– Да мне, собственно, все равно!

– Отлично! – усмехнулся юноша. – Впрочем, я в тебе и не сомневался!

Вендрамин с гордостью вскинул голову: он был рад угодить своему кумиру.

В этот момент мимо них прошел матрос, которого Паоло узнал несмотря на опустившиеся сумерки.

– Эй! – воскликнул он.

Юнга остановился: то действительно был их вчерашний знакомый.

– Друг, – тихо произнес Паоло, – Король набережных в твоём распоряжении; если он будет тебе нужен, только свистни.

Молодой матрос колебался.

– Иди по своим делам, – продолжал Паоло. – А мы с другом последуем за тобой на расстоянии. Можешь рассчитывать на наше молчание и нашу преданность: перед отъездом из Неаполя я буду рад оказать услугу такому приятному пареньку, как ты.

Ничего не ответив, юнга продолжил свой путь.

«Молчание – знак согласия», – решил Паоло и, отпустив переодетую матросом красотку шагов на двести вперед, двинулся следом.

Вендрамин покорно шел рядом с другом, переваливаясь с боку на бок.

Приключение определенно ему нравилось, так как раскачивания из стороны в сторону обозначали у него радость; каждый раз, как он наклонялся, его огромная туша грозила раздавить хрупкого спутника – так громадный корабль танцует на волне рядом с небольшим корветом.

Целая цепочка полицейских протянулась вдоль набережной, ожидая личного появления в порту усердного герцога Корнарини. Герцога, переодетого в одежду лаццарони и довольно-таки неплохо загримированного, сопровождали двое сбиров; те самые, что накануне не поледили с Паоло и его здоровенным спутником.

Для герцога переодетой женщиной был именно Паоло, которого он абсолютно не знал.

Для более проницательного и осведомленного Луиджи, случившееся накануне не являлось загадкой. Паоло был для него тем, кем он был – Королем набережных, заступившимся за разыскиваемую полицией патриотку.

Луиджи отлично разглядел второго юнгу и, разобравшись в ситуации, взял верный след; и пусть упустил добычу, пусть его агент не осмелился поднять вуаль маркизы – он, по крайней мере, был далек от того, чтобы принять Паоло за женщину-карбонария.

Поэтому он позволил герцогу и двум его сбирам искать Короля набережной повсюду и даже желал, чтобы они его обнаружили, а сам тем временем вычислил единственное благоприятное место, откуда маркиза могла быстро и наверняка добраться до брига.

Там он и устроил засаду с шестью своими людьми.

Ловкий был парень, этот Луиджи!

Он собирался не только приписать себе заслугу поимки мятежницы, но и высмеять своего начальника.

Король любил рыбаков, лаццарони, бедноту, а потому пришел бы в ярость, допусти Корнарини ошибку.

Сам же герцог не сомневался в том, что в его сети угодила нужная рыбка, но на всякий случай затребовал подробное описание Паоло.

– Вы уверены в том, что это тот самый юнга? – спросил он у сбиров, имитируя акцент портового рабочего.

– Да, ваше превосходительство.

– Идиот! Говори «да, Пьетро»! Какого он роста?

– Небольшого, ваше... Пьетро.

– Волосы?

– Светлые.

– Лицо?

– Приятное, даже слишком – как у Девы Марии.

– Глядите-ка, эти мерзавки позволяют себе иметь профили Рафаэля... А его товарищ?
– Двухметровый здоровяк, ваше... Пьетро.
– Уверены насчет его пола?
– Да у него борода на половину лица!
– Можно носить и накладную.
– Это правда. Но он такой огромный!.. Ах! Ваше прев... Пьетро, упаси вас бог от знакомства с его кулачищами!

Внезапно министр заметил шедшую по набережной маркизу.

– Ну и дела! Это ведь юнга, не так ли?
– Да, но это не тот.
– Вы уверены?
– Разумеется, ваше превосходительство.
– И все же надо бы его допросить.
– Так мы себя лишь выдадим, ваше превосходительство...
– Простите, ваше... Пьетро.

Герцог взял щепотку табаку из имевшейся у него при себе серебряной табакерки, украшенной драгоценными камнями, и с наслаждением затянулся.

Один из сбиров поморщился.

– Что не так? – спросил герцог.
– Если позволите... – пролепетал полицейский.
– Позволяю, негодник, говори же...
– Ваше... э... я хочу сказать, у лаццарони не может быть таких дорогих штук.
– Ах да, забыл... Твое утверждение справедливо.

Сбир продолжал:

– Возьмите лучше мою; она больше подходит к вашей роли.

И он протянул герцогу свою табакерку – берестяную.

Министр взял ее, восхитившись прозорливостью подчиненного, который так и остался стоять с протянутой рукой.

– Чего ты хочешь? – удивился герцог.
– Ну как же – вашу, а то вы можете перепутать. Потом я вам ее верну.
– Держи! – сказал герцог. – Но не смей соваться внутрь!
– Что вы, что вы, не буду.

И сбир положил табакерку в карман.

Пройдя несколько метров, он подал знак одному из слонявшихся по набережной лаццарони и, проходя мимо, незаметно передал ему табакерку герцога. Лаццарони и сбiry часто находят общий язык: одни крадут, другие помогают им в этом.

Внезапно сбир воскликнул:

– Ах! Боже мой!
– Что такое? – спросил герцог.
– Ваше превосходительство!..
– Ну что еще?
– Этот мерзавец, что уносит ноги...
– Да говори уже...
– У него...
– Да что же, скотина?

– ...ваша табакерка. Он вытянул ее у меня из кармана.

Разъяренный, герцог кинулся было вслед за лаццарони, но сбир его остановил:

– Но как же наше задание? – сказал он и внезапно воскликнул: – Вон, вон они!

В самом деле, к ним приближались Паоло и Вендрамин, сопровождавшие, пусть и на внушительном расстоянии, маркизу.

Исходя из того, что сказали агенты, герцог ожидал увидеть мужчину крепко сбитого и дородного, но, зная страсть неаполитанцев к преувеличению, не предполагал, что придется иметь дело с настоящим феноменом.

Однако же Вендрамин оказался столь огромным, что герцог, смерив его взглядом, только и смог вымолвить:

– Это ж надо – до чего здоров!

– Такого запросто не арестуешь, – благоразумно добавил один из сбиров. – Не мешало бы вызвать подмогу...

– Давай, Джакопо, дуй за нашими, – бросил в ответ герцог, признав справедливость замечания. – Хотя постой, – тут же спохватился он. – Мы их разыграем.

И, полагая себя в абсолютной безопасности, герцог отважно шагнул навстречу рыбакам.

– Эй, ребята, – сказал он, – можно вас на два слова? Нам с другом нужно с вами поговорить.

– Почему бы вам с другом, – грубо отвечал Паоло, – не пойти куда подальше.

Герцог не привык к подобной манере общения; лицо его исказила гримаса.

– Видимо, молодой человек, мне придется быть с вами предельно откровенным... С вами желает увидеться одна очаровательная особа; я здесь по ее поручению.

– Иди к черту!

– Но... – пролепетал герцог и, так как Паоло прибавил шагу, попытался удержать его за рукав рыбацкой куртки.

Вне себя от ярости, юноша резко и проворно развернулся и отвесил министру полиции такого пинка, что тот растянулся на мостовой.

Вендрамин покатился со смеху.

Что это был за смех! Если бы носороги умели смеяться, то именно так бы они и смеялись.

Паоло, не обращая больше внимания на герцога, двинулся дальше. Вендрамин бросился следом, гогоча от радости так, что содрогались стекла соседних лавочек.

Едва разгневанный герцог вскочил на ноги, как прибежали его люди.

– Арестуйте их! – закричал он. – Арестуйте!

Тотчас же с дюжину сбиров преградили путь двум немало удивленным рыбакам. Впрочем, удивление последних было вполне объяснимым: возможно ли, чтобы столько полицейских пришло на помощь какому-то лаццарони?

Однако же Паоло это не испугало. Он, конечно, хотел последовать за молодой женщиной, но не любил, чтобы ему досаждали, а потому смело двинулся на сбиров.

Те же набросились на Вендрамина, решив, что прежде всего необходимо справиться с великаном, – потеряв такого соратника, паренек и сам прекратит сопротивление.

Но гигант отряхнулся, и пятеро или шестеро вцепившихся в него ищеек полетели на землю. Юноша вновь пустил в ход ноги, и трое или четверо сбиров присоединились к своим распластавшимся на мостовой товарищам.

Образовавшаяся горка из тел погребла под собой герцога; каждый из сбиров пытался высвободиться, но Вендрамин продолжал забавляться. Выхватывая то одно, то другое тело за руку либо за ногу, великан вертел его в воздухе и вновь швырял в общую кучу, которая копошилась, кричала и горланила, к величайшему его удовольствию.

Но сбиры вырастали перед друзьями, словно грибы после дождя, и вскоре рыбаки оказались внутри плотного кольца окружения.

Однако Вендрамин имел вид столь грозный, что полицейские лишь смотрели на него с опаской, не решаясь приблизиться.

В это время герцогу удалось вскочить на ноги и, отбежав подальше, укрыться за спинами десятка ищеек.

– Синьора, сдавайтесь, – крикнул он, обращаясь к юноше. – Вы раскрыты; любое сопротивление бесполезно!

И тут Паоло все понял.

«Вот так штука! – сказал он себе. – Меня приняли за ту очаровательную даму, которую я сопровождал. Как это мило! Позволив арестовать себя, я окажу ей услугу, так пускай же сбиры нас забирают!»

И он шепнул Вендрамину:

– Не сопротивляйся; так нужно.

– Ваше превосходительство, – прокричал он Корнарини, которого узнал наконец под столь непривычными для герцога одеждами, – мы готовы следовать за вами; но я хотел бы заявить, что ни в каком заговоре не участвовал.

– В этом мы разберемся, синьора, и я не сомневаюсь, что его величество будет к вам снисходителен.

Довольный тем, какой оборот приняло дело, герцог подошел ближе.

Паоло сохранял хладнокровие.

– Ваше превосходительство, – промолвил он, – прошу вас запомнить, что мы были атакованы без какого-либо предупреждения с вашей стороны.

– Признаю это, *bellina dona*¹¹.

– И что мы дрались, полагая, что защищаемся от сутенеров.

Герцог, видя, что гигант позволил связать ему руки, а молодая женщина готова сдаться, с радостью признал и это.

– Согласны ли вы, – продолжал Паоло, – что, как только мы узнали, что имеем дело со сбирями Его Величества, то тут же прекратили драку?

– Призываю всех вас в свидетели!

На сей раз Паоло обращался к собравшимся вокруг зевакам; все они были его друзьями либо знакомыми, его подданными – если принять во внимание титул, данный ему французским художником.

Народный хор прокричал:

– Так все и было! Так все и было!

Больше сотни моряков, лаццарони, портовых рабочих собралось на набережной.

Ропот негодования прокатился по их рядам...

– За что арестовывают Паоло?

– Что сделал этот блондинчик?

– Чего они хотят от Короля набережных?

И толпа пришла в волнение.

Но Паоло хотел, чтобы его арестовали. Он обратился к герцогу:

– Видите эту толпу, ваше превосходительство?

– Вижу, синьора.

– Она недовольна.

– Так и есть.

– Эти люди собираются освободить меня.

– Они не посмеют.

– Гм-м!.. Сейчас их здесь не более сотни, но вскоре вы увидите перед собой пару тысяч.

Что будете тогда делать?

– Армия нам поможет.

¹¹ Прекрасная синьора (*ит.*).

– Армия! – воскликнул Паоло, пожимая плечами. – Да армия боится лаццарони как огня, ваше превосходительство, и вам это отлично известно. Позвольте мне поговорить с этими людьми. Я их успокою.

Герцог нашел, что для заговорщицы его пленница чересчур уж услужлива.

– Ну что ж, синьора, поговорите, – молвил он, – поговорите. Вам эта любезность зачтется.

Паоло взобрался на плечи Вендрамину и с этой импровизированной трибуны прокричал в толпу:

– Друзья, позвольте мне пойти в тюрьму; речь идет о недоразумении, которое вскоре прояснится. Если завтра меня не отпустят, приходите ко дворцу с требованиями моей свободы; король слишком вас любит, чтобы отказать в подобной просьбе.

Эти несколько словно успокоили толпу, словно по волшебству.

Но народ не расходился.

«Боже мой! – подумал герцог. – Какой же властью обладает эта женщина? Этот заговор крайне опасен; должно быть, у нее повсюду есть сторонники».

И добавил себе под нос:

– Ничего, мерзавка, уж я постараюсь, чтобы ты сгнила в тюрьме.

Он взял понюшку табаку.

Вид берестяной табакерки напомнил герцогу о пропаже, и он вновь помрачнел.

– Я добьюсь от короля разрешения на допрос этой негодницы. Уж у меня-то она заговорит!

С этой мыслью он затянулся.

Отправились искать и вскоре нашли кориколо¹², чтобы транспортировать пленников.

В этот миг Пало услышал душераздирающий крик о помощи; он доносился с той стороны, в которую направилась молодая женщина, и повторился два раза.

Юноша вскарабкался на повозку.

Сквозь сумерки он заметил человеческий силуэт, пытавшийся отбиться от нескольких ему подобных; последние были столь неприятными с виду, что, вне всякого сомнения, должны были принадлежать сбирам его величества Франческо.

Король набережных понял, что маркизу задержала полиция, судя по всему, в тот самый момент, когда она пыталась добраться до американского брига, и причиной тому, вероятно, была политика.

Вендрамин уже тоже залез на повозку и смотрел на женщину, и Паоло сказал другу:

– Разрывай свои путы и разыщи Гондоло; я видел его в толпе. Пусть его люди сделают вид, что хотят меня освободить, начнут досажать полиции и сопровождают меня до дворца, только скажи ему, что силу применять не надо. Обо всем остальном я позабочусь сам. Ты же возьми человек двадцать парней и постарайся спасти ту женщину, что шла перед нами. Доставьте ее на американский корабль. Скажи ей, что если у нее есть хоть на су благодарности, то пусть дожидается меня там всю ночь; скажи, что попытаешься вырвать меня из лап полиции, организовав мятеж. Ты все понял?

Мрачное лицо Вендрамина на миг просветлело:

– Да.

Мысль друга Вендрамин уловил на лету, хоть и не сумел постичь цели.

– Иди же! – сказал Паоло.

На набережной уже собралось порядка пятисот человек, готовых заварить небольшой мятеж ради своего идола и подраться с полицией и армией.

В мгновение ока Гондоло организовал людей, распределил роли, и толпа взревела от возмущения.

¹² Повозка (ит.).

Обеспокоенный, герцог взобрался на повозку.

– Прошу вас, синьора, – пролепетал он дрожащим голосом, – успокойте ваших друзей; сбежав, ваш товарищ привел их в ярость.

И бедный министр рассыпался в мольбах.

Но Паоло сказал ему:

– Они слишком возбуждены. Уж не думаете ли вы, ваше превосходительство, что я смогу перекрыть эту толпу?

Министр, видя, что возмущение растет, сполз на землю и затерялся сначала среди сбиров, а затем и в толпе, посреди которой он кричал во весь голос: «Долой полицию!»

Корнарини не хотелось оказаться битым! Почувствовав себя в относительной безопасности, он побежал в первую же казарму; армия уже готовилась встать под ружье. То был швейцарский полк.

– Скорее, – сказал герцог полковнику, – бегите в порт и во что бы то ни стало доставьте во дворец переодетую матросом молодую женщину, которую арестовали и охраняют сейчас мои люди.

Швейцарцы немедленно отправились в порт.

Остановив проезжавшую мимо карету, Корнарини поехал во дворец, спеша предстать перед королем.

Вендрамин выполнил то, что ему было поручено, наилучшим образом.

Собрав вокруг себя человек тридцать друзей, он набросился во главе этого отряда на уже начавших вязать по рукам и ногам маркизу сбиров.

Луиджи светился от счастья.

Он слышал, как нарастает возмущение толпы, недовольной действиями герцога, и уже предвкушал, как разъярится король, узнав, что столь любимых им лаццарони понапрасну вывели из себя.

Он думал о том, как станет дворянином; для чего еще нужна королевская привилегия, как не для того, чтобы простолюдина превратить в человека благородного?

И тут на голову бедного Луиджи обрушился чей-то могучий кулак, и он без чувств свалился наземь.

Сбиры тотчас же разбежались кто куда.

Когда Луиджи открыл наконец глаза, на набережной уже не было ни души. Где-то вдалеке шумела толпа, но он был один, и пленница его исчезла.

Какое пробуждение после столь прекрасного сна!

С трудом встав на ноги, Луиджи поплелся в направлении дворца.

– Черт побери! – пробурчал он под нос. – В том, что мне не удалось задержать эту мерзавку, моей вины нет; переложу всю ответственность на министра.

И он ускорил шаг, преисполненный желания все рассказать королю.

Маркиза была спасена, но, вырывая ее из рук полиции, Паоло себя самого загнал в опасную ситуацию, из которой предстояло как-то выбираться.

Глава V, в которой Паоло доказывает свою преданность королю и королеве

Министр, как мы уже сказали, был человеком осторожным и рассудительным. Умея в своей профессии немного, он это немного делал хорошо.

Вот почему он был искусно загримирован.

И вот почему хотел показаться королю в гриме и убедить его в своем рвении.

Министр предстал перед дворцовым привратником и, когда тот его не признал, представился по всей форме и сказал:

– Иди к Его Величеству, но запомни: ты не знаешь, кто я. Скажешь королю, что его желает видеть некий лаццарони, который раскрыл заговор. Поспеш.

Привратник выполнил поручение.

Король любил лаццарони и знал, что те тоже его любят; он принял посетителя без колебаний.

– Сир, – поклонился Корнарини, – вы меня не узнаете?

Король Франческо смерил загримированного герцога долгим взглядом.

– Нет, клянусь честью, – сказал он. – Где я мог тебя видеть, дружище?

Фамильярность короля была общеизвестна.

– Ах, сир, – воскликнул министр, – вы называете другом обычного лаццарони, и ни разу не нашли доброго слова для бедного герцога Корнарини. Отныне я буду являться к вам в одном лишь отрепье.

– Как! – воскликнул король. – Так это ты, Корнарини?

– Да, сир. Я вырядился так для охоты на эту мерзавку. Чтобы выследить ее, нам пришлось немало потрудиться, но в конце концов мне все же удалось ее арестовать.

– Так ты сам ее арестовал?

– Да, сир. И одному лишь Богу известно, сколько тумачков получил при этом.

– Значит, была заварушка?

– Ожесточенная битва, сир. Эту негодницу сопровождал великан, который раздавал удары с той же щедростью, с какой Ваше Величество раздают милости. Мне тоже досталось.

С этими словами Корнарини продемонстрировал королю подбитый глаз и внушительный синяк.

Франческо задумался.

– Но ты-то чего туда пошел, Корнарини? – спросил он строго. – Ведь ты министр.

– Усердие возобладало над осмотрительностью, сир, и я позволил себе забыть о достоинстве.

– Определенно, у тебя манеры сбира! – сурово сказал король. – Похоже, быть министром – это не для тебя... Так, говоришь, она – в наших руках?

– Да, сир.

– И тебе помог Луиджи.

– Да нет же, сир. Он в порту даже не появился.

Король нахмурился.

«Может ли быть, – размышлял он, – чтобы Луиджи, который был так в себе уверен, не принимал в этом аресте никакого участия? Должно быть, этот Корнарини бесстыдно врет... Ну, это мы сейчас выясним».

Вдали послышался громкий шум.

– Это еще что такое?

– Народные волнения, сир.

Король прислушался.

– Что за эвфемизм, мой дорогой герцог! Ваши народные волнения скорее напоминают самый настоящий бунт.

– Сир, – сказал министр, – не стану скрывать от вашего величества, что люди хотели освободить пленницу и силой вырвать ее из рук сборов.

– Demonio!¹³ – воскликнул король.

– У этой заговорщицы нашлось много сторонников, и мне пришлось вызвать швейцарцев.

– Проклятые революционеры! – прорычал Франческо, топнув ногой по плиточному полу. – Того и гляди, перевернут мой тихий Неаполь с ног на голову!

Король помрачнел, помолчал немного, а затем спросил у министра:

– Что за люди восстали? Буржуа?

– Нет, сир.

– Мелкие торговцы?

– Нет, сир.

– Но кто же тогда?

Министр был готов к взрыву; он знал, что король рассчитывал на народную любовь, а среди мятежников были одни простолюдины.

Наконец он прошептал:

– Лаццарони, сир!

Взгляд короля вспыхнул огнем.

– Лаццарони! – воскликнул он. – Мои друзья... Лаццарони... Люди, которые всегда были верны, которые сотни раз доказывали мне свою преданность... Должно быть, герцог, вы были крайне неосторожны, должно быть, ваши люди побили женщину или портового ребенка, заделали рыбака, дурно обошлись с каким-нибудь бродягой... Уж свой-то народ я знаю: просто так на революцию он не пойдет! – Король с презрением сплюнул себе под ноги и продолжал: – Лаццарони плевать на свободу, им нужна лишь независимость, и я ее им предоставляю. Вы ожесточили этих бедняг... Вы глупец, герцог.

Шум приближался.

Король выглянул в окно и увидел швейцарцев, плотно обступивших повозку, в которой сидел Паоло; вокруг были тысячи людей.

Лаццарони зажгли факелы и угрожали сжечь Неаполь и дворец.

Король увидел юное и красивое лицо Паоло, его длинные светлые волосы, чистый и изящный профиль; он ни секунды не сомневался в том, что смотрит на женщину.

Франческо повернулся к министру.

– Эта мерзавка их околдовала! – заметил он. – Они настроены отбить ее во что бы то стало! Попробую их успокоить. Пойдем со мной, Корнарини.

И король подошел к окну.

– Покажи свои одежды, но сам наружу не выглядывай, – сказал он министру. – Твои лохмотья им понравятся, но вот физиономия...

– Кто же любит министра полиции, сир? – философски заметил Корнарини.

При виде короля и лаццарони рядом с ним народ решил, что его величество желают показать своим верным подданным, как они их любят.

Раздался гром аплодисментов.

Франческо приветственно помахал рукой и знаком показал, что будет говорить.

Тотчас же в толпе воцарилась тишина.

– Друзья мои, – сказал король, – состоялся арест, и, похоже, вы проявляете живой интерес к пленнику. Мне этого достаточно для того, чтобы заняться его делом. Я сам его допрошу,

¹³ Черт возьми! (ит.).

а затем посоветуюсь с моим министром полиции и, если это не будет идти вразрез с государственными интересами, верну вам паренька. Можете рассчитывать на мою справедливость.

Король умолчал о том, что, по мнению сборов, этот паренек был женщиной.

– E viva el re!¹⁴ – взревели тысячи глоток.

Но в то же время лаццарони завопили:

– Abasso Cornarini! Abasso el birbante! Abasso el ruffiano!¹⁵

Проклятья в адрес несчастного министра неслись со всех сторон.

– Ах, мой бедный друг, – промолвил король, – какая популярность! Ты заставил их обожать тебя!

Лицо министра исказила такая гримаса, что король не сдержал улыбки. Только что он сыграл над герцогом дурную шутку: объяви он арест законным (что он и намеревался сделать), вся народная ненависть пала бы именно на герцога.

– Прикажите, – промолвил король, – распустить слух, что мы арестовали не просто портового мальчишку, а женщину, обвиняемую в заговоре против власти. Можно даже сказать, что меня пытались отравить. Когда мои лаццарони узнают, что их хотели лишить короля, они потребуют голову преступника.

Министр повиновался.

В этот момент появилась королева. Она выглядела взволнованной, но король ее успокоил. Ввели Паоло, безмятежного и с лукавой улыбкой на устах.

Он вовсе не выглядел смущенным, о нет.

С грациозной дерзостью и непринужденностью дворянина прошел он по коврам его величества и остановился прямо перед изумленным монархом.

К великому удивлению присутствующих, в один миг он избавился от сковывавших его руки пут, жестом, изящным и благородным, снял берет и отвесил глубокий поклон королеве, которая взирала на него с неподдельным интересом.

Такой привлекательный юноша!

Королева Неаполя пленилась его красотой.

Перед королем Паоло присел в реверансе, которому позавидовали бы и самые искушенные придворные; затем, пользуясь всеобщим удивлением, промолвил голосом, звонким и твердым:

– Сир, ваш покорнейший и преданнейший слуга, огорченный тем, что его привели сюда силой, но счастливый возможности предстать перед вашим величеством, выражает вам свое почтение.

Паоло произнес это столь галантно, что окончательно покорила королеву.

Король был меломаном.

Голос, ритм, тембр были гармонично чистыми; эта музыка ласкала королевский слух, и Франческо был очарован.

– Осмелюсь, – продолжал Паоло, – умолять его превосходительство, герцога Корнарини, засвидетельствовать, что я сделал все, что было в моих силах, дабы успокоить народ.

– Это правда? – спросил король.

– Должен признать, так все и было, сир, – подтвердил министр.

– А теперь, – продолжал Паоло, – я требую правосудия; я ничем не заслужил подобного ареста. Да, в силу моей молодости мне часто приходилось вступать в стычки с патрулями и задирать вуали гулявших по улицам дам; я даже поколотил его превосходительство, приняв его за сводника, но монсиньор сам таковым представился. И все же...

Король повернулся к Корнарини.

¹⁴ Да здравствует король! (*ит.*).

¹⁵ Долой Корнарини! Долой мошенника! Долой сводника! (*ит.*).

– Вы действительно играли эту роль?

– Сир, это была...

Самоуверенность Паоло привела герцога в такое замешательство, что он начал запи-
наться.

Паоло продолжал:

– Одним словом, я совершал лишь ребяческие шалости, недостойные внимания великого
короля и великой королевы; мне даже стыдно за то, что вы тратите на меня ваше августейшее
время.

– Но, – проговорил король, – тебя обвиняют в том, что ты женщина, заговорщица...

– Я? – воскликнул Паоло. – Я? Женщина?.. Ах, сир, если бы я смел...

– То что бы ты сделал?

– Нет, сир, я не смею. Вы меня за это повесите.

Паоло был дьявольски отважен; он знал, о чем думают король и королева, и понимал,
что при неаполитанском дворе, совсем не ханжеском, настоящий лаццарони может позволить
себе многое.

Заставь он короля смеяться – и дело его выиграно.

– Короче, что ты просишь?

– Я не прошу, сир, но предлагаю доказать, что никакая я не заговорщица.

– У тебя есть тому доказательство?

– Да, и оно у меня при себе, сир.

– Тогда я разрешаю тебе его предоставить.

– Сир, то, что я собираюсь сделать, может показаться вам весьма вызывающим...

– Но должен же ты, в конце-то концов, как-то оправдаться? Ты говоришь, что имеешь при
себе доказательство того, что ты не заговорщица и не имеешь ничего общего с карбонариями
– так в чем дело? Что тебя останавливает?

– Раз уж король приказывает, я готов его выложить.

И Паоло, изобразив крайнюю степень смущения¹⁶, сделал жест, нет, движение, нет... под-
ходящее слово не приходит нам на ум.

Короче говоря, представил всему двору неопровержимое доказательство того, что он не
никак не мог быть тем, кем его объявили. Заговорщиком... возможно... Но заговорщицей...
нет, ни в коем случае.

Король с трудом сдержал улыбку.

Королева потупила взор.

Дородный полковник швейцарцев покатился со смеху.

Министр Корнарини пришел в бешенство.

– Негодяй! Мерзавец! – вскричал он.

Паоло смерил его взглядом.

– Я нахожу это дерзостью с вашей стороны, ваше превосходительство, ругать меня тогда,
когда я лишь повиновался королю. Он приказал – я подчинился. Его величество, видимо,
сочли, что в моем случае – ведь я еще весьма юн, – подобная выходка не будет иметь серьезных
последствий.

Король не скрывал своей радости.

Франческо любил лаццарони, нередко находил их остроумными и уже подпал под обая-
ние Паоло.

Он поднялся на ноги.

– Герцог, вы ошиблись, и мне придется вас наказать... Но кто ты будешь таков, парень?

– Меня величают Королем набережных.

¹⁶ Исторический факт. – Примеч. автора.

– И заслуженно?

– Сейчас вы сами в этом убедитесь. После вас я являюсь властителем и господином всего портового люда.

И, подбежав к окну, он крикнул во всю глотку:

– Друзья, его величество признает ошибку своего министра, который за эту оплошность будет уволен. Король дарует мне свободу!

Толпа взорвалась приветственными возгласами.

– Да здравствует Франческо! Да здравствует Паоло! Долой Корнарини!

Придя в полный восторг, рыбаки, лаццарони, рабочие начали обниматься, танцевать, горланить песни.

Король слышал слова Паоло.

Нужно было принимать решение; он склонился к милосердию и благоразумно провозгласил Паоло невиновным.

Тем же, кто собрался в огромном и величественном зале дворца, он сказал:

– *Vox populi, vox Dei*¹⁷. Мы, король Неаполя и Сицилии милостью Божьей, заявляли и заявляем следующее:

Наш министр полиции, герцог Корнарини, совершив незаконный арест, отстраняется от исполнения своих функций; он выплатит штраф в размере тысячи дукатов, и на эти деньги в порту для моего народа будет устроен фейерверк, который станет своеобразной компенсацией моим подданным, вынужденным пойти на демонстрацию и ради восстановления справедливости.

Что касается Паоло, то за непристойность, совершенную им в нашем присутствии, мы приговариваем его к наказанию розгами, но подтверждаем его титул Короля набережных.

Все присутствующие, за исключением герцога Корнарини, в едином порыве прокричали: «Да здравствует король!».

Паоло поклонился Франческо, затем королеве и, опустившись перед ней на колени, промолвил:

– Сударыня, я всего лишь ребенок; было бы нелепо, если бы, вопреки обыкновению, этого ребенка бил какой-нибудь тупица. Маленьких мальчиков обычно наказывают матери. Я сирота, но вы, вы мать всех неаполитанцев, и я хотел бы – прошу вас, окажите мне эту неслыханную милость, – чтобы меня отхлестала ваша монаршая рука.

На этот раз уже никто не сдержался, и зал содрогнулся от взрыва хохота.

Даже сама королева нашла обращение столь забавным, что, казалось, готова была оказать Паоло столь дерзко испрошенную им милость.

Король сделал единственно возможное в данной ситуации.

Он сказал Паоло:

– Я освобождаю тебя от порки: твоё наказание было бы слишком мягким, *ragazzo*. Я предпочитаю быть милосердным... Можете расходиться, господа!

Зал вмиг опустел.

Едва Паоло вышел из дворца, как его подхватила толпа и триумфально понесла по улицам Неаполя.

В это время к королю явился Луиджи.

– Не желаешь ли объясниться? – был первый вопрос Франческо.

– Ах, сир, все сорвалось из-за глупости вашего министра.

И Луиджи рассказал королю, как все было, а затем добавил:

– Этой женщиной, сир, была маркиза Дезенцано, предводительница карбонариев... Я в полном отчаянии.

¹⁷ Глас народа – глас Божий (*лат.*).

– Отныне ты мой министр полиции, – сказал король. – Я пожалуй тебе дворянский титул, но постарайся, чтобы больше таких промашек не случилось.

Забегая вперед, скажем, что новый министр оказался достойным оказанной ему милости, подтверждением чему могут служить сотни брошенных в тюрьму и расстрелянных по его приказу карбонариев.

А между тем толпа вынесла Паоло к особняку Корнарини и потребовала иллюминации.

Управляющий экс-министра заявил, что тележки, груженные дровами, будут направлены к порту, и уже там, в соответствии с приказом короля, люди герцога будут раздавать лаццарони щедрые дары.

Чернь разлилась по улочкам, организовав шумный кортеж своему идолу.

Внезапно Паоло заметил великана, рассекавшего толпу, словно корабль волны.

То был Вендрамин.

Он подошел к другу, под всеобщие аплодисменты усадил его на свои могучие плечи, и людской поток устремился по главным улицам Неаполя в направлении порта.

Тем временем между юношей и колоссом состоялся интересный диалог.

– Она спасена? – спросил Паоло.

– Да.

– Будет меня ждать?

– Да, в течение пяти дней.

– Где будет находиться бриг?

– На выходе из бухты Байя.

– Ты видел ее лицо, этой красотки, когда она говорила обо мне, Вендрамин?

– Да, – сказал великан и с хитрой улыбкой, которая возникала у него на губах всегда, когда речь заходила о друге и его счастье, добавил: – Она тебя любит!

– Ты думаешь?

– Я в этом уверен.

Паоло знал Вендрамина: инстинктивно он понял, что в столь важном вопросе гигант не мог ошибиться.

– В порт! – бросил юноша, и Вендрамин последовал за ним.

Дорога их пролегла мимо королевского дворца.

Услышав крики толпы, их величества приникли к окнам, решив, что все эти восторженные здравицы адресованы им.

Проплывая под окнами, Паоло, словно принц, приветственно помахал королевской чете, а затем послал воздушный поцелуй королеве.

– Какой милый юноша! – воскликнула та.

В итальянском языке есть нюансы, которые нельзя передать во французском, – здесь был тот самый случай.

– Виселица по этому пареньку плачет! – пробормотал король.

– Почему, сир?

– Слишком уж он дерзок, сударыня, и умен, и любезен – такой может очаровать кого угодно.

– Так за что же его вешать?

– Он более король, чем я сам, сударыня.

– Но король маленький.

– Он вырастет.

– И что вы намерены делать?

– Пусть пройдет несколько дней, а затем я прикажу Луиджи избавить меня от этого пройдохи. Пустим слух, что это Корнарини с ним расправился, и герцогу, возможно, посчастливится напороться на чей-нибудь нож.

– Ах, сир, какая жалость!

– Для герцога?

– Нет, для мальчонки.

– Сударыня, я нахожу этого ragazzo очаровательным; сделай я его дворянином и отдай вам в пажи, вы бы непременно к нему привязались. Но я неплохо разбираюсь в людях. Этот паренек – из народа; он стал бы революционером, таким вторым Мазаньелло... Он умрет. Мне очень жаль, но, к несчастью, так нужно. К тому же – я узнал это лишь несколько минут назад – он защищал маркизу Дезенцано. Мне придется избавиться от него.

Королева тяжело вздохнула и вышла.

Король приказал разыскать Луиджи.

Новый министр не заставил себя ждать.

– Мой мальчик, – сказал ему король, который всегда обращался к этому мужлану с поразительнейшей фамильярностью, – отсюда только что вышла королева; организуй за ней слежку. Она передаст своей дуэнье записку для этого паренька Паоло, который определенно опасен. Нужно сделать так, чтобы это послание не дошло по назначению. Пусть дуэнья скажет, что выполнила поручение, и что ответ будет доставлен королеве через несколько дней. Но так как она не может ждать вечно, постарайся сделать так, чтобы в одно прекрасное утро она узнала, что этот мальчуган утонул. Вероятно, в его смерти обвинят герцога Корнарини, о чем я буду глубоко сожалеть. Ты меня понял?..

– Да, сир.

– Действуй.

Луиджи поклонился и с улыбкой на устах исчез за массивной дверью.

Глава VI. Буря

Когда Паоло и его друг прибыли в порт, там уже горели охапки хвороста, освещающая огромный рейд растянувшимися по всему берегу огнями костров.

Паоло заметил вышедший в море бриг; встречный ветер не позволял ему далеко отойти от суши.

– Отлично! – сказал себе юноша. – У нас еще есть время до него добраться; несколько крепких гребцов, шлюпка – и мы будем там.

Народ толпился под окном одного из домов, в окне которого показался управляющий – маэстро Корнарини, готовый начать раздачу щедрот.

Толпа обожала Паоло, но она любила и дублоны, поэтому последние в данный момент интересовали ее больше, чем Король набережных.

Юноша подозвал к себе нескольких наиболее близких друзей и попросил их отвезти его к бригу.

То были сильные парни.

Не испрашивая разрешения, они взяли лучшую лодку; Паоло встал у руля, Вендрамин возглавил команду гребцов, и шлюпка понеслась по волнам.

Через час подошли к бригу.

Маркиза узнала своего спасителя, и Вендрамина с Паоло втащили на борт.

После теплого прощания шлюпка взяла курс на порт.

Капитан брига оказал молодым людям великолепный прием, особенно Вендрамину, которого он оставил на палубе, куда поглазеть на широкоплечего великана сбежалась вся корабельная команда.

Что до маркизы, то она провела Паоло в свою каюту.

Юноша выглядел немного смущенным, она же и вовсе пребывала в полном замешательстве.

При свете свечей она любовалась восхитительным профилем паренька и его очаровательными манерами дворянина.

Ее влекло к нему непреодолимо; с первого же взгляда он завоевал ее симпатию, покорило сердце, пленил душу.

Сирота, она так и не смогла полюбить приемных родителей; женщина, она испытывала к мужу лишь уважение – они так и не завели детей!

Душа ее невольно устремилась к этому белокурому юноше, хотя маркиза и пыталась подавить сей взрыв чувств.

Она не знала, как заговорить с ним, как обратиться к нему – «мой друг», «молодой человек» или «сударь».

Наконец – столь мужественным выглядел этот юноша – она склонилась к последнему варианту.

– Сударь, я всю жизнь буду вам благодарна. Что я могу сделать для вас?

– Ничего! – не без гордости отвечал Паоло.

– Вы слишком великодушны. Как-никак, вы покидаете родину, объявленный вне закона, скомпрометированный. Я богата. Позвольте мне позаботиться о вашем будущем.

– Я сам о нем отлично позабочусь, – чуть насмешливо, но уверенно молвил Паоло. – Должно быть, вас удивляет, сударыня, что такой юнец, как я, отвергает помощь и протекцию? Должно быть, вы думаете: слишком уж много этот парень мнит о себе. Не обманывайтесь на этот счет. Я готов подвергнуть себя испытаниям и знаю, что многого стою. Я отличный матрос, ловок и смел, и в лице Вендрамина имею колоссальную физическую силу. Сегодня вечером я поднял Неаполь на восстание и, при желании, мог бы легко сместить с трона Франческо,

короля, которого вы так не любите... Я предстал перед этим величеством и вынудил даровать мне свободу, заставив обращаться со мной в соответствии с моим народным титулом. Я сыграл роль четырнадцатилетнего Мазаньелло с не меньшей, чем этот герой, отвагой и с большим, чем он, умом. Я говорил неуместные вещи королеве, которая без ума от меня, и стал причиной отставки министра полиции. И все это – лишь потому, что я нахожу вас очаровательной, потому, что я заинтересовался вами, сам не зная почему... Короче – я здесь. И знаете, чего я хочу? Еще до этого приключения я собирался покинуть Неаполь, объехать весь мир, совершать великие дела. Я хочу прославиться, хочу стать однажды деом регентства, хочу править и чувствую в себе достаточно для этого энергии... Я увеличу свои владения благодаря политике, о которой вы даже и не подозреваете, но которую мне подсказала одна прочитанная мною как-то книга; я стану реформатором Корана; именем религии, при поддержке армии я завоюю Тунис и Марокко... А там уж... посмотрим...

И лицо Паоло осветила мечтательная улыбка, глубоко впечатлившая маркизу.

Она была поражена широтой взглядов этого юноши и тем красноречием, с каким они были высказаны.

Внезапным движением она схватила его за руку, привлекла к себе и промолвила чарующим голосом:

– Мне девятнадцать лет, и я вдова. Вам четырнадцать, и вы свободны. Я вас понимаю и верю в вас. Будьте моим старшим братом... Всю себя я посвятила великому делу; вы станете служить ему вместе со мной и оставите прекрасный след в истории. Я хочу освободить Италию.

– Жертвовать собой ради своего народа – заблуждение, – сказал Паоло с глубоким убеждением. – Освободителям всегда потом достается от освобожденных; зачастую народные массы и вовсе их уничтожают. И потом, сомневаюсь, что вам удастся осуществить задуманное – Италия еще не готова.

– Так вы отказываетесь! – воскликнула она с выражением глубокого сожаления.

– Напротив – я согласен! – сказал он. – Но соглашаюсь я на это только из-за вас; потому что меня влечет к вам помимо моей воли; потому что в вашем присутствии разум оставляет меня, и говорит лишь сердце. Я соглашаюсь и буду готов умереть за вас, но только не за родину, которая непременно оплатит мне неблагодарностью... Вот моя рука – считайте, мы договорились.

– Спасибо! – воскликнула молодая женщина. – Спасибо за то, что относитесь ко мне как к сестре, за то, что готовы помочь мне; и я буду любить вас как брата.

Маркиза коснулась губами его лба, но он обвил ее шею руками и крепко поцеловал в губы.

Когда она наконец выскользнула из его объятий, то дышала с трудом.

Заметив это, Паоло сдержанно поцеловал ей руку и поднялся на палубу, где обнаружил Вендрамина.

– Ну что? – спросил тот.

– Пока что я ее брат, но однажды стану возлюбленным, – сказал юноша. – Она полюбит меня, как любят мужчину, когда я докажу ей, что я уже не мальчик.

Маркиза же шептала, говоря сама с собой:

– Только бы он не пожелал стать для меня тем, кем я не хочу его видеть; я была так неосторожна. Я уступила порыву, восторженности, его магнетическим речам... Впрочем, сделанного уже не вернешь. – И, утешая себя, промолвила: – Он всего лишь мальчик!.. Но мыслит-то как тридцатилетний мужчина!

И маркиза поднялась на палубу.

Заметив ее, Паоло присел рядом, стараясь быть ласковым, нежным, юным, скрывая свои недетские чувства.

Они заговорили, и он ее очаровал: его пленительная речь укачивала ее воображение, как волны укачивали судно.

Стояла великолепная погода.

Средиземное море, когда оно спокойно, похоже на озеро.

Легкий бриз, сообщавший приятный запах испарений покрытого апельсиновыми и лимонными деревьями берега, надувал паруса, но легкое его дуновение лишь едва волновало огромную водную поверхность, в которой отражалось чистое небо Италии.

На горизонте исчезнувшее солнце еще отбрасывало обгаренные лучи на редкие тучки, которые оно украшало удивительно богатой позолотой; лазурь неба и моря разрезала сверкающая золотая полоса.

Слегка покачиваясь на уснувших волнах, бриг скользил по морю, оставляя за собой серебристый след; позади него кильватерные струи отбрасывали свечение, которое длинной переливчатой змейкой уходило вдаль.

Атмосфера была пропитана солеными запахами, которые перемешивались с восхитительными ароматами цветов и фруктов, приходящими с берега.

Ароматы земли!

Ароматы морей!

Замечательный вечер!

Наряду с опьяняющими запахами, парящими в воздухе, маркиза вдыхала тот аромат любви, что исходит сердце, впервые распутившееся под влиянием женского взгляда.

Паоло являл ей столько огней в своих ясных и глубоких глазах, он усыплял ее тревоги столь обманчивой искренностью, проникал в самые потайные складки ее души со столь опасной инстинктивной ловкостью, так умело окутывал нежностью взгляда, голоса, расслабленных поз, что она начала поддаваться, забыв о защите.

Но один инцидент разрушил весь этот шарм.

Капитан подошел к Паоло со странным видом и, явно не без умысла, заметил:

– Прекрасная погода, молодой человек, не так ли?

– Не думаю, – отвечал Паоло, вставая и глядя на небо. – Спокойное сейчас, вскоре Средиземное море разъярится! Помяните мои слова: и двух часов не пройдет, как будет буря, и буря страшная... Видите белую точку на горизонте: она как раз сейчас находится над скалами Капри, но самого острова мы не видим... Это облако – предвестник урагана.

– Нам грозит какая-то опасность? – спросила маркиза с завидным хладнокровием.

– Разве что потонуть, – совершенно спокойно отвечал капитан. – Я вынужден согласиться с этим юношей.

– Так пойдемте к Гаете, – предложила маркиза.

– Невозможно. Не дойдем. Непогода обрушится на нас раньше, чем мы окажемся в безопасности; ветер будет дуть нам в лицо. Уж лучше попытаться пройти перед грозой при попутном ветре и лишь затем поискать укрытие; возможно, так мы успеем добраться до какого-нибудь порта... Если же направимся к Гаете и, не дай бог, проскочим мимо входа в гавань, то все – можно считать, нам крышка; в этих широтах мистраль обычно длится несколько дней, и такое небольшое суденышко, как наше, в бурю так долго не продержится.

И он отправился раздавать указания.

Паоло посмотрел на маркизу.

– Что ж, сейчас вы увидите, стоит ли меня хоть один из этих парней, – сказал он. – Наденьте самую теплую одежду, какая есть, и возвращайтесь на палубу. Я хочу, чтобы вы были рядом и я в любой момент смог бы прийти вам на помощь. Этот корабль может потонуть в один миг, и вы даже не успеете покинуть вашу каюту.

– Так вы, дорогой Паоло, рассчитываете спасти меня в открытом море, если мы вдруг пойдем ко дну?

– Нет, – сказал он. – Тут уж никакая шлюпка не поможет. Но я могу оказать вам серьезную услугу.

– Какую?

– Вышибить вам мозги и тем самым избавить от агонии.

Маркиза смерила юношу восхищенным взглядом.

– Слова не мальчика, но мужа! – воскликнула она. – Спасибо, я на тебя надеюсь.

Тем временем капитан распорядился зарифить паруса и задраить люки.

Истинный американец, он приказал всем своим людям приготовить спасательные пояса, коими не забыл снабдить свое судно, глотнул рому, посоветовав команде последовать его примеру, и встал за штурвал.

Буря неумолимо приближалась.

Белое облако, предвестник мистраля, увеличилось в размерах, затянув весь горизонт, закрыло звездное небо, и наступила кромешная тьма.

Бриз утих, и наступил мертвый штиль, предтеча шквала!

Торжественный час для команды!

Кучке людей, находившихся на хрупком бриге, предстояло сразиться с бушующим морем и разгулявшимся ветром.

Лишь деревянная палуба отделяла моряков от морской пучины, один удар – и все было бы кончено!..

Никто из тех, кто его не видел, не представляет, с какой силой дует мистраль, этот северный ветер, каждый год приносящий в Прованс несметные разрушения.

На суше он превращает в непригодную для проживания и возделывания огромную долину, равнину Кро. Ничто не может укрыться от его порывов, поднимающих в воздух огромные камни и проносящих их по всему обширному краю густыми вихрями, которые валят с ног тех редких путников, что застают врасплох буря.

В море тысячи кораблей получают повреждения в портах и на рейдах побережья; в открытых водах они танцуют, бедные скорлупки, на гребнях волн, которые бросают их на рифы и разбивают вдребезги.

Мистраль!..

Одно лишь это слово заставляет бледнеть самых храбрых моряков.

Погода, столь чудесная еще минуту назад, испортилась.

Тучи тут же увеличились в размерах; неподвижные в небе, они растянулись, сомкнувшись друг с другом, и начали угрожающе темнеть.

Ветер стих совершенно.

Зарифленные паруса бессильно бились о мачты, и в этом беспомощном трепыхании было нечто зловещее.

Корабль напоминал раненую птицу, которая бьет крыльями, перед тем как испустить последний вздох.

Облачившись в плащи из непромокаемой ткани, матросы дожидались шквала; скрестив руки на груди, устремив взоры на горизонт, они не шевелились, но ощущали (как они говорят) ураган на своих плечах.

Странная штука!

Ветра не было, но море уже пролило свои слезы; его уже сотрясала зыбь, окрашивая в белый цвет своей пеной; хотя мистраль свирепствовал вдалеке, волны волновались и там, где он еще только ожидался.

Глухие завывания исходили из морских пучин, жалостные голоса, оплакивавшие смерть, – так некоторые псы воют в окрестностях кладбищ!

Внезапно пену разогнал порыв ветра, столь сильный, что зыбь прилипла к морю, как говорят моряки – прибитая к поверхности воды, волна в таких случаях просто не может подняться, – и в один миг на корабль налетела буря.

Паруса, мачты, снасти и подводная часть судна – все прогнулось, затрещало, застонало под этим первым объёмом урагана; корабль клюнул носом, словно ребенок, подталкиваемый великаном.

На какое-то мгновение корабль замер в таком положении, смиренный и словно раздавленный ударом, затем выпрямился и, покорный, с ужасающей быстротой помчался вперед; шквал разъяренными толчками пихал его в борт, с мрачным свистом проваливаясь в снасти.

Даже скакуну, пришпоренному всадником, не под силу развить бег столь же резвый, какой бывает у судна, гонимого мистралем, так как этот ужасный ветер вырывает корабль у моря, и тот бежит уже по гребням волн, лишь слегка касаясь воды.

Капитан приказал убрать все паруса, за исключением кливера и небольшого заднего паруса. Он стоял за штурвалом, а Паоло был рядом.

Неподалеку, вцепившись рукой в канат, на прочно закрепленной тросами банке сидела маркиза.

Она была немного бледна, но отвечала улыбками на улыбки названного брата, ставшего ей столь дорогим за несколько часов откровенности.

– Вроде пока держимся! – бросил капитан юноше. – Ну что, попробуем подойти к Гаете?

– Не стоит и пытаться, – отвечал Паоло. – Нас несет прямо к Палермо, и мы окажемся там скорее, чем пароход в погожий денек, если только...

– Если только не потонем прежде, – закончил за него капитан и добавил, увидев, что буря усиливается: – Если дотянем до Палермо, это будет настоящее чудо...

Мистраль крепчал с каждой минутой и вскоре достиг той степени свирепости, когда утесы на суше и корабли на море становятся для него не более чем соломинками.

– Раньше чем завтра не кончится! – прокричал капитану Паоло.

С того момента, как гроза усилилась, они почти друг друга не слышали; стоял такой шум, что слова растворялись в нем, едва слетали с губ.

Вцепившись в ту или иную снасть, моряки думали лишь о том, как бы за нее удержаться.

Качка была столь сильной, что бушприт едва ли не каждую секунду целиком исчезал под водой.

Волны с грохотом разбивались о корабль, образуя нависающие своды.

Иногда судно, прибитое к воде давящим на него ветром, врезалось носом в волну вместо того, чтобы ее преодолеть, рискуя вмиг затонуть; иногда порыв ветра подхватывал его на самой вершине водной горы, на которую ему удавалось счастливо взобраться, и выбрасывал из моря; иногда оно проскакивало между двумя волнами, всем своим весом приземляясь в возникшую между ними узкую, но глубокую борозду, и тогда одна из волн обрушивалась на носовую часть корабля и полностью ее заливала.

Команде с трудом удавалось противостоять морской стихии, которая разбивала реи и сотрясала мачты.

Часы текли за часами, медленные и смертельные: ситуация была ужасной.

Передохнуть, спуститься в каюту в поисках укрытия не представлялось возможным; в любую минуту корабль мог пойти ко дну, и все должны были находиться на палубе.

Каждый надел на себя спасательный пояс и приготовился к любому исходу.

В моменты продолжительных кризисов лучшие моряки зачастую слабеют, теряя мужество.

Морская вода, что омывает их тела, имеет химическое воздействие, стимулирующее вначале, но губительное при длительном контакте; она размягчает и раздувает ткани, подрывая жизненную силу.

Ослепляя и утомляя, беспрестанно хлещет и стегает по лицу ветер; килевая или бортовая качка вызывает расстройство желудка и действует на нервы, постепенно ослабляя человека и ввергая его в полнейшую прострацию.

Паоло держался молодцом.

Он хотел утвердиться перед маркизой, которая, дрожа от холода, чувствовала, как подступает страх.

Самые отважные женщины пасуют перед физическими опасностями, опуская руки.

Тот, кому в минуты таких кризисов удается вернуть им энергию, утешить их и защитить, получает полную власть над ними.

Паоло раз двадцать подходил к Луизе запахнуть разметавшиеся полы ее плаща; под дождем из морской воды, что проливался на палубу, он согревал ее горячими поцелуями, и, несмотря на холод, страх, отчаяние, она трепетала под его ласками.

Внезапно наступило то, что на море зовется затишьем.

Около шести часов утра в этой непримиримой борьбе случилась передышка; словно играя с людьми, мистраль ненадолго взял паузу.

Стоя за штурвалом, капитан объявил, что вскоре ветер налетит на них с новой, удвоенной силой, после чего буря закончится.

Он призвал всех собрать в кулак всю свою волю и посоветовал, в том случае, если корабль затонет, стараться держаться вместе и плыть в связке, – так у них будет больше шансов спастись.

Благодаря спасательным поясам – ценному средству, которым моряки часто пренебрегают, – все они могли держаться на поверхности воды.

Не успела команда перекусить галетами и глотнуть немного рома, как буря возобновилась.

При первом же порыве ветра большую мачту переломило надвое, и судно дало крен на левый борт.

Капитан не мог оставить штурвал.

Паоло схватил топор, Вендрамин и двое матросов последовали его примеру, вчетвером они обрубили веревки и снасти, державшие мачту, и ту унесло в море.

Бриг принял устойчивое положение.

Решительность, проявленная Паоло в столь непростой ситуации, произвела на маркизу неизгладимое впечатление; он вырос в ее глазах на целую голову.

Мгновением позже, как и ожидалось, обрушилась вторая мачта.

Те же матросы попытались высвободить ее, как и первую, но налетевшая волна размела их по палубе.

Лишь двое, Паоло и Вендрамин, успели ухватиться за фал. Вернувшись к работе, они быстро перерубили канаты, и вторая мачта последовала за первой.

Внезапно, словно по волшебству, ветер стих; буря окончилась, возродив в команде надежду на спасение.

Маркиза бросилась обнимать Паоло.

– Бедняжка, – промолвил он, – как, должно быть, вы пострадали!

Вместо ответа маркиза наградила паренька восхищенным взглядом.

– Вы были так спокойны! – воскликнула она. – Возможно ли быть столь хладнокровным в четырнадцать лет?

– Это уже двадцатый мой выход в море, – сказал он, – и восьмая буря. Кроме того, я пережил два кораблекрушения. Но, дорогая сестра, спускайтесь в каюту и переоденьтесь.

Проводив молодую женщину до дверей, он вернулся на палубу и подошел к капитану.

Тот молча пожал Паоло руку; сам будучи человеком бесстрашным, он по достоинству оценил отвагу юноши.

Вдвоем они приняли необходимые меры, после чего Паоло, посчитав, что маркиза уже привела себя в порядок, решил отнести ей кое-какие подкрепляющие средства.

Она ждала его, с распущенными, еще влажными красивыми черными волосами, в длинном пеньюаре, кокетливо поигрывая домашней тубфлей, свисавшей с изящной, как у Золушки, ножки.

Она была так прекрасна, так желанна, что против воли в один миг он оказался рядом и заключил ее в свои объятия.

В каком-то диком порыве он целовал ее шею, руки, губы...

Оглушенная поначалу, она быстро взяла себя в руки и резко отстранилась.

Озадаченный, Паоло замер перед ней.

Улыбнувшись, маркиза усадила его рядом.

– Выслушай меня, *saго mio!*¹⁸ – сказала она. – Ты хочешь, чтобы я стала твоей любовницей, так знай же: я на это никогда не соглашусь.

Слезы выступили на глазах юноши, но она высушила их поцелуем.

– Я не желаю быть твоей любовницей, малыш, – продолжала она, – но однажды стану твоей женой. Когда ты станешь постарше, когда у тебя начнут расти усы, я все еще буду молода; сейчас эти несколько лет разницы между нами кажутся огромными, позднее они ничего не будут значить. И я клянусь тебе, что не стану принадлежать никому, кроме тебя! Уступи я сегодня – сгорела бы со стыда.

Он хотел что-то ответить, но, грациозно приложив ладонь к его губам, она не дала ему такой возможности.

– Молчи! И видит Бог, ты об этом никогда не пожалеешь. Торжественно тебе обещаю: как только я почувствую, что готова пойти на это, и без каких-либо просьб с твоей стороны, я скажу тебе: вот моя рука. Лишь поклянись, что не будешь мне досаждать, и тогда можешь остаться со мной, и я буду тебе сестрой, матерью и даже любовницей... И напротив, если ты не пообещаешь соблюдать наше соглашение, я буду тверда в своих решениях и уйду от тебя...

Паоло уступил.

Она поцеловала его по-матерински, и он вернулся на палубу, связанный клятвой, счастливый и в то же время сердитый на себя самого.

– Мне не следовало обещать ей это! – пробормотал он.

Вид моря немного отвлек его от невеселых мыслей. Несмотря на утихший ветер оно еще бушевало. Тем не менее в душе Паоло возродилась надежда.

Но внезапно, сквозь густой туман, огромная черная масса выросла перед бригам.

То был берег!

Почувствовав опасность, капитан приказал отдать якорь, и матросы начали разматывать цепи, но было уже поздно – корабль ударился кормой о подводные скалы.

В образовавшуюся дыру хлынула вода, и трюм в один миг затопило. Капитан, видя, что судно уже не спасти, прокричал всем бросаться в воду.

Нельзя было терять ни секунды.

Вендрамин забегал по палубе в поисках Паоло, но тот на его призывы не откликался.

– Он в воде! – крикнул один из матросов, и Вендрамин прыгнул.

Но Паоло был на борту.

Он спустился в каюту маркизы и, схватив молодую женщину за руку, вытащил ее на палубу.

Вся команда была уже в воде.

– Прыгайте! – сказал Паоло. – Это не опасно – спасательный пояс не даст вам уйти ко дну.

¹⁸ Милый мой (*um.*).

Но маркиза не могла даже смотреть на завывающие внизу волны; она попросила Паоло подождать еще немного.

Прикинув, что у них есть еще какое-то время в запасе, юноша согласно кивнул, но тут огромная волна, подбросила судно вверх и тут же опустила.

Залитый водой, корабль мгновенно дал крен и, опрокинувшись, пошел ко дну, увлекая с собой молодых людей. Паоло лишь успел крепко схватить маркизу за руку.

Первым же делом юноша попытался выбраться из-под канатов и обломков; это удалось ему с огромным трудом.

Он отчаянно ударил ногами, как это делают ныряльщики, желая подняться на поверхность, и почувствовал, что Луиза последовала его примеру.

Но, даже объединив свои силы, они не смогли преодолеть водоворот.

Тщетно они рвались наверх, удваивая усилия, – непреодолимое течение, вращаясь и кружа, уносило их в морскую бездну.

Глава VII. Под водой

Паоло решил, что им пришел конец. Маркиза, менее опытная, истощала силы в бессмысленной борьбе. Два человеческих тела, крутясь в пучине, казалось, танцевали посреди морской растительности и странных чудовищ, которыми изобиловало море.

Под водой вы сохраняете сознание всего две минуты, но и этого достаточно для того, чтобы пережить ужасную агонию. Вас заключают в объятия липкие водоросли, и вы испытываете тысячи клейких прикосновений; вас окружают спруты, обвивая своими гигантскими ремнями, кажется, что по вам ползают тысячи змей.

Мимо то и дело проплывают громадные рыбы; осьминоги, которые приклеиваются к вам своими вантузами; вы все еще живы, но для морских хищников вы уже мертвы. Огромные крабы и раки, все эти пожиратели трупов пытаются вцепиться в вас, и вы тащите за собой всю эту изголодавшуюся банду, которая только того и ждет, когда добычу прибьет к какой-нибудь скале.

Вы слышите, как вверху, над вами, с мрачным завыванием проносятся беспокойные волны. До ваших ушей, в которых гудят уже мрачные шумы смертного часа, доносятся странные, незнакомые звуки, которые ввергают в загадочный ужас; вы испытываете страх столь сильный, что под этим влажным морским саваном вас прошибает холодный пот.

Затем мало-помалу вас начинает душить; на грудь опускается бремя, которое становится все более и более тяжелым, оно давит, сжимает и расплющивает; вы испытываете на себе несметную тяжесть моря. Вам становится безумно страшно при одной лишь мысли о том, что весь этот груз лежит на вашей груди.

Наконец, вы в последний раз барахтаетесь, и вас охватывает крайняя слабость; вы открываете глаза, чтобы вновь увидеть море и его чудовищ, а затем закрываете их навсегда.

Какое-то время вы еще испытываете неопределенные ощущения, но без боли; борьба между жизнью и смертью уже закончена, и вы наслаждаетесь странным покоем; ужасный припадок сменяется вечным сном, полным наслаждений, экстазом, в котором есть невыразимый шарм, хотя вы его воспринимаете уже смутно.

Таковы были фазы агонии Паоло и Луизы, и рассказал их вам человек, которому довелось испытать все это на собственной шкуре...

В какой-то момент маркиза обняла юношу обеими руками, и так они прошли через все стадии асфиксии...

Тела их выбросило посреди огромного грота.

В пещере было темно.

Море замерло у входа в это подземелье, на песчаной отмели, которая круто поднималась к середине крипты, где скалы, образуя некое подобие свода, причудливо выгибались и уходили на глубину, из-за чего и получалось, что пещера была подводной, в самом прямом смысле этого слова. Море со всех сторон закрывало выход из грота; выбраться из него можно было, лишь поднырнув под скалы и вынырнув на поверхность с другой стороны этого барьера.

Однако же дышать в пещере было можно: воздух поступал в нее через некие неуловимые щели; что до слабого света, который проникал в подземелье, то он рассеивался по поверхности воды, которая опоясывала его влажным кольцом.

Маркизу и Паоло вынесло туда водоворотом, который образуется в бурю на подступах к гроту; сжатая, выдвленная на поверхность, вода начинает тогда непрерывно перемещаться взад и вперед и, опускаясь, вызывает подводное течение.

Все знаменитые морские пучины возникают по тем же причинам; так же некогда появились, хотя и представляли гораздо большую опасность для путешественников, и Сцилла с

Харибдой. Но затем скалы обрушились, доверху засыпав собой впадины, в которые волны гнали море, и эти две пучины перестали быть опасными.

Около часа Луиза и Паоло пролежали на отмели в бесчувственном состоянии; но теплый подземный климат сделал свое дело, и постепенно жизнь начала возвращаться к ним.

Первой пришла в себя маркиза.

Приподнявшись на локте, она огляделась вокруг... и издала крик ужаса.

Тишина, изолированность, бледная полутьма этого странного места, нагромождения скал, посмертные воспоминания (а утопающий видит смерть так близко, что может считать себя вернувшимся с того света) – все это не могло не пугать.

Тем не менее мало-помалу она взяла себя в руки, хотя и не совсем понимала, как они оказались в пещере.

Рядом, недвижимый, лежал Паоло; и все ее мысли теперь были о том, как бы его спасти. Она чувствовала огромную нежность к этому белокурому юноше.

Призвав на помощь все свои познания в том, как следует оказывать первую помощь, маркиза быстро привела юношу в чувство. Придя в себя, он тоже, в свою очередь, осмотрелся, но никакого испуга, в отличие от молодой женщины, не выказал.

– Получается, мы спасены? – заметил он.

– Вы полагаете? – спросила маркиза.

– Ну, раз уж мы дышим и находимся на земле, то да.

– А вам не кажется, что мы словно погребены на дне какой-то могилы?

Паоло поднялся на ноги и, несмотря на слабость во всех членах, обошел пещеру. Сразу же поняв необычную конфигурацию грота, юноша пояснил ее маркизе.

– Мы поступим так, моя дорогая сестричка, – сказал он. – Поднаберемся немного сил, а затем покинем это мрачное место. Поднырнув под скалы, мы окажемся на свежем воздухе; до берега, должно быть, рукой подать, шторм уже, наверное, прошел, и мы доберемся до суши в несколько гребков.

– Как бы мне хотелось вам верить! – промолвила маркиза.

– Лучше приготовьтесь к тому, что вскоре вновь придется оказаться в воде, – сказал Паоло.

На лице маркизы отразилась нерешительность; ее женская слабость проявлялась каждый раз, когда речь заходила о том, чтобы довериться морю.

Паоло как мог пытался ее приободрить.

– Ну же, Луиза, – проговорил он, – такая женщина, как вы, не должна малодушничать. Вы едва не погибли из-за того, что не покинули вовремя корабль; не позволяйте себе слабости сейчас – это будет дурным предзнаменованием.

– Я готова.

– Пойдемте, – сказал Паоло.

Они подошли к водной поверхности и, войдя в нее, попытались проплыть под скалами, но это оказалось невозможным; нужно было погрузиться так глубоко и плыть между двумя потоками так долго, что они попросту выбились бы из сил. На отмель они выбрались совершенно истощенными.

Более того: и сами уходящие глубоко под воду скалы, толщина которых в некоторых местах доходила до нескольких сотен метров, представляли собой непреодолимое препятствие – проплыть такое расстояние под водой человеку было не по силам.

Первыми словами юноши были:

– Мы в ловушке!

Маркиза не ответила; устремив взгляд в никуда, она выглядела крайне подавленной.

– Но не стоит так расстраиваться, моя дорогая Луиза, – сказал Паоло. – Возможно, нам удастся отыскать какой-нибудь проход.

– Сильно сомневаюсь, – заметила молодая женщина.

– И все же будем надеяться.

И Паоло принялся исследовать скалы, пытаясь разглядеть хоть какую-нибудь трещину, но так ничего и не обнаружил.

Хотя он уже доказал свою решительность и отвагу, спокойствие и безмятежность юноши удивляли маркизу.

– Все эти ваши поиски ничего не дадут – лишь силы впустую потратите, – заметила она. – Нам отсюда никогда не выбраться!

Паоло улыбнулся.

– Я так понимаю, – сказала маркиза, – вы все еще полагаете, что у нас получится выйти из этой могилы, в которую мы и так сошли уже почти мертвыми? Неужели вы думаете, что мы...

– Да, – промолвил он.

– Это безрассудно!

– Гораздо более безрассудно, моя дорогая маркиза, сразу же опускать руки. Голод и жажду мы испытаем лишь через несколько часов; мы должны провести это время с пользой. Возможно, здесь имеются не слишком плотно прилегающие друг к другу скалы, которые раздвинутся, чтобы вывести к свету. Морской путь нам закрыт; значит, дорогу к выходу следует поискать на земле. Ну же, взбодритесь!

– Вы говорите так, словно мы уже на свободе! – воскликнула маркиза. – Что вы за человек, если даже в этой гробнице лелеете подобные надежды?

– О своем рождении я знаю лишь одно: на свет я появился в Галлии. Я происхожу из той неукротимой расы, которой опасался величайший из завоевателей, Александр Македонский, не осмелившийся нападать на моих предков. Когда-то девизом этого бесстрашного народа был: «Ничего не бояться, разве что небо упадет, но если оно упадет, поддержать его своим копьем». Что вы хотите? Каждый поступает в соответствии со своим характером и темпераментом; мой говорит мне бороться до конца, какими бы ни были шансы. Я не переносю слепых велений судьбы, не уступаю глупому случаю. Это мой протест против фатальности. Поднимайтесь, Луиза! Будем мужественными, моя дорогая; лучше умереть, сражаясь, чем получить смертельный удар, валяясь на песке и отказавшись от победы. Раз уж земля выставила перед нами преграды, мы должны скрести и копать эту землю! Пусть нашим последним жестом станет попытка освобождения, по крайней мере, не придется себя упрекать в том, что мы забыли нашу родину.

Маркиза отвергла все сомнения при этом благородном призыве; преисполненная глубочайшего восхищения, она бросилась обнимать своего спутника.

Они повторили попытку, которая оказалась столь же неудачной, что и первая: выбраться к морю не удалось. Вернувшись на отмель, маркиза почувствовала, как горло ее начала сжимать жажда, – она нахлебалась соленой воды.

Молодая женщина не осмелилась сказать об этом спутнику, но того, судя по всему, жажда мучила в не меньшей степени.

– Вот бы нам раздобыть где-нибудь свежей воды! – воскликнул Паоло. – Вам, должно быть, Луиза жутко хочется пить?

– Я не решалась это признать, – отвечала маркиза.

– Дальше будет еще хуже. Нужно еще раз осмотреть пещеру.

И он вернулся к изучению скал, пытаясь отыскать трещины, но между ними не было ни единого разрыва, а свод их и вовсе казался одной каменной глыбой.

Опустившись рядом с Луизой, юноша с грустью протянул ей руку и сказал:

– Похоже, придется смириться со смертью! Камень во много раз тверже моих ногтей; я хотел отвлечь вас от мыслей о предстоящей агонии, но мы ничего, абсолютно ничего не можем поделать.

Маркиза окинула спутника полным бесконечной нежности взглядом и промолвила:

– Я хочу дать вам утешение, которое вам понравится; ведь мы неизбежно умрем от жажды, не так ли?

– Да.

– Что ж, по крайней мере у нас будет час...

И, одарив его необъяснимой улыбкой, она упала в его объятия.

Существуют эстеты сладострастий, которые жаждут любви, ранее им не знакомой; существуют сердца пресыщенные, которые ищут наслаждений под странными формами; другие, вроде некоторых императоров древнего Рима, любили кровавые оргии; нежные вздохи казались им пресными, им нужны были неистовые крики отчаяния и слезы боли.

Человек так создан, что он несет в себе начала всех расстройств рассудка и чувств; не существует людей, которые составляли бы исключение из этого правила.

Воля и образование, которое укрепляет волю, вместе они приглушают дурные инстинкты, но уничтожить их вряд ли возможно. Жизнестойкие корни, притаившиеся в глубине души растут с ужасающей быстротой особенно тогда, когда об их существовании вы уже и думать забыли.

Образование, воспитание и жандармы – вот три противовеса, объединив которые, можно склонить чашу весов на сторону добродетели.

Любовь иногда вспыхивает при самых непредвиденных обстоятельствах, зачастую странных или опасных; так произошло и в этом случае. Ни ее, ни его нельзя было отнести к числу тех пресыщенных людей, которых возбуждает эксцентричная сторона ситуации; и тем не менее они нашли для своей нежности стимул столь страстный, столь сильный, столь непреодолимый в угрожавшей им смерти, что забыли о всякой опасности.

Посреди этого поглотившего их sklepa они дарили друг другу невыразимые наслаждения; видения, которые бывают у курильщиков гашиша, стали для них реальностью, и, когда они пробудились наконец, когда, задыхающиеся, разбитые от удовольствия, переглянулись, то в голову им одновременно пришла одна и та же мысль:

«Вот теперь можно и умереть!»

Но смерть не приходит по первому зову; когда ее ждут, ей обычно предшествует агония, ее отвратительный предвестник.

Оба они изнывали от жажды и, осознав, что настал их последний час, настроенные во что бы то ни стало избежать мучений, решили уйти из жизни добровольно.

Она посмотрела на него с грустью, думая, как это, должно быть, ужасно – умереть таким молодым!

И потом, какая страшная смерть!

Утопиться!

Ее переполняла чисто материнская жалость к нему.

– Думаешь, тебе хватит сил продержаться под водой так долго, чтобы потерять сознание? – спросила она.

– Да, – сказал он с безмятежной улыбкой.

– Верю, – молвила она с гордостью, не отводя глаз от его лица. – У тебя железная воля; я же не так отважна. Я хочу, чтобы ты связал меня, чтобы я даже не пыталась избежать смерти, а затем взял на руки и унес в глубь моря. Мы умрем вместе, в последнем объятье.

– Хорошо, – сказал он тихо, но твердо.

Маркиза смотрела на него с восхищением.

«Он даже не взволнован», – сказала она себе.

Вслух же промолвила:

– Позволь мне послушать твое сердце; твое лицо врет. Не могу поверить, что тебя не приводит в отчаяние тот факт, что приходится расставаться с жизнью в столь юном возрасте.

Она припала ухом к его груди: сердце его билось медленно и равномерно, как у человека, остающегося невозмутимым в любой, даже самой опасной, ситуации.

– Теперь я умру счастливой! – воскликнула она. – Мой идеал любви нашел воплощение. А ты, ты ни о чем не жалеешь?

– Нет, – сказал он, – и даже думаю, что лучше умереть, чем жить. У нас никогда не будет часов, подобных тем, которые только что пролетели.

– Ох! – воскликнула она. – Если бы каким-то чудом нам удалось спастись, клянусь тебе, я бы одарила тебя ласками, возможно, и менее страстными, но более нежными – это уж точно.

– Не будем об этом, – сказал он.

И, разорвав носовой платок на тонкие полосы, он связал руки молодой женщине, которая немного побледнела, но не отстранилась.

– А теперь – последний поцелуй, – прошептал Паоло.

Они обменялись этим знаком прощания, а затем он резко поднял ее на руки и понес к пляжу. Он уже собирался броситься в воду, когда вдруг на лоб ему пролилась капля ледяной воды; остановившись, он поднял голову.

– Что с тобой? – спросила маркиза.

– Ничего, – сказал он и шагнул в воду, но она повторила:

– Что с тобой? Я хочу знать.

– Ну ладно, скажу, – произнес он с улыбкой. – Я подумал, что мы могли бы умереть, не мучаясь от жажды; но к чему пить? Это не спасет нас от голода.

Маркиза проявила слабость; смерть ее пугала.

– Я бы с удовольствием промочила горящее горло, – сказала она.

– Как скажешь...

И он вернулся на пляж.

– Где эта вода? – спросила она.

– Там!

И он указал на вершину утеса.

– Иногда в расселинах отвесных скал скапливается дождевая вода, – пояснил он, – которая затем, капля за каплей, доходит до нас.

– Но я не могу ждать так долго.

– Я еще не закончил.

И он продолжал:

– Но, на протяжении веков падая в песок, эти капли должны были остаться там, на определенной глубине; выкопав яму, мы обнаружим воду, если, конечно, под песком имеется прослойка.

– Прекрасно! – воскликнула она. – Как я хочу, чтобы ты оказался прав!

Бедная женщина!

Она любила его, и любой выигранный час казался ей вечностью.

Паоло приступил к работе.

На метровой глубине появилась вода; он позволил яме наполниться, после чего они жадными глотками выпили все до последней капли.

С детской непосредственностью она бросилась ему на шею.

– Ох, как это хорошо – любить! Если бы только мы могли жить!

Эти слова молодой женщины тронули Паоло до глубины души.

– Я осмотрел скалы лишь в центре, – сказал он. – Пойду исследую те, что находятся по краям; может, там они не будут плотными.

Вернулся он быстро.

– Невозможно пройти, не так ли? – спросила маркиза.

– Да, – отвечал юноша, – но вот жить в этом подземелье мы сможем...

– Но как?

– Здесь наш бриг, – сказал он, – там, под скалами.

– Слава тебе, господи! – воскликнула маркиза и, зарыдав, упала на колени.

– Ну же, Луиза, возьми себя в руки; сейчас не время для слабости, ты должна быть сильной, моя дорогая. Мне понадобится твоя помощь!

– Да! – вскричала она. – Я буду помогать тебе всем сердцем! Мы будем так счастливы здесь вдвоем, только я и ты!

– Ты еще большее дитя, чем я, – заметил он, а затем добавил: – Думаю, произошло следующее: корабль, как и нас с тобой, затянуло под воду и унесло водоворотом. Он здесь, неподалеку: сначала я его принял за огромный камень. В нем должны были остаться продукты, которые не могли испортиться; соленья и галеты содержатся в герметичных бочонках... Нужно лишь доставить их сюда; вот для этого ты мне и нужна. Но прежде необходимо где-нибудь разыскать прочную веревку; я обвяжусь ею и вернусь на корабль, а тебе нужно будет лишь крепко взять ее за конец и тянуть на себя, когда почувствуешь рывок... Так ты вытащишь меня с тем, что мне удастся там обнаружить. Но предупреждаю: будет тяжело.

– Иди же, иди скорее. Я сильная, я справлюсь! Только дай я тебя сперва поцелую!

И она обвила его шею руками...

Затем, подтолкнув его к морю, сказала:

– Поспеши! Мне не терпится узнать, что у нас точно будут еще несколько дней любви!

Бросившись в море, Паоло вернулся с прочным канатом, которым обвязал себя вокруг груди, и, поцеловав маркизу, вновь погрузился в воду.

Через две минуты канат задрожал; она потянула веревку на себя, и на поверхности воды возник Паоло – в руках у него ничего не было.

Тяжело дыша, юноша опустился на песок.

– Все оказалось закрытым, – сказал он, – так что в этот раз мне удалось лишь слегка приоткрыть один из люков; но в следующий раз я доберусь и до трюма.

Она привела его в чувства, заставила восстановить дыхание и лишь затем позволила вновь войти в воду.

Этот заход оказался вполне удачным: он вернулся с бочонком галет, который выкатил на песок.

– Сейчас же поедим, – сказала она. – Тебе нужно восстановить силы; открывай бочку.

– Для этого мне понадобится топор, – заметил Паоло. – К тому же одними галетами мы не насытимся. Там, на судне, я видел и другой бочонок, в котором должен быть копченый окорок; и на сей раз я захвачу его с собой.

Так он и сделал и, кроме того, принес пакет грецких орехов; то было уже излишество, добавленное к самому необходимому.

Паоло еще раз вернулся на бриг – за топором, и, выбравшись из воды на отмель, расколол бочки.

Продукты оказались неиспорченными.

Маркиза накрыла стол, проще говоря, на дощечке, при помощи лезвия топора, порезала галеты и порубила окорок, и они набросились на еду с аппетитом, который сделал бы честь монахам, и веселостью, которой позавидовали бы служители богемы.

– Теперь мы по праву можем считать себя подводными Робинзонами, – заметил Паоло.

– Я буду твоей Пятницей! – сказала маркиза, целуя юношу.

– Прекрасной Пятницей! – улыбнулся он. – Здесь вполне можно жить; все, что необходимо для более или менее сносного существования, у нас имеется, а кроме того, пещера представляет собой отличную защиту от ветров и дождей.

– Да и хищники здесь нас не потревожат, – заметила маркиза.

Таким веселым рассуждениям они предавались около часа, и десятки раз поцелуи прерывали их смех!

Странная сила любви, которая покрывает все вокруг позолотой и тюрьму превращает в рай!

Передохнув, Паоло сказал маркизе:

– В этот раз я поищу одеяла – для сна, инструменты – для работы, и доски – для огня.

– Но как ты его разожжешь? – спросила Луиза.

– С помощью огнива и трута, которые всегда ношу при себе; покопавшись в кармане моих брюк, ты обязательно их найдешь. Трут нужно будет высушить.

Совершив еще несколько вылазок, Паоло вернулся с корабля с целой кучей различных предметов.

Сначала он поднял наверх инструменты, потом вино и ром, которые обнаружил в бочках, затем одеяла и доски.

Одеяла привнесли тепло и некое подобие комфорта, доски понадобились для того, чтобы сколотить кровать. Они возились вокруг нее с той же радостью, с какой пара пернатых обустроивает свое гнездышко.

Она смеялась, помогая ему; она замеряла длину и ширину, не желая, чтобы кровать получилась слишком большой; ни он, ни она даже и не вспоминали о своем заточении.

Он еще несколько раз спускался к судну, возвращаясь с порохом и самой разной всячиной; он поднял наверх вино, отыскал в камбузе коробку с пряностями, – к счастью, вода внутрь не проникла.

Маркиза смотрела, как он занимается приготовлением пищи – ей великое искусство Карема, увы, было не знакомо, – и с удовольствием брала у него уроки.

Кушанья получились изысканными и вкусными, и, довольные проведенным днем, они с радостью поужинали.

Два часа они провели в разговорах, незаметно пещеру окутали сумерки, и взоры их обратились к небольшому ложу.

И тут он вспомнил, что забыл принести с корабля матрас, который обнаружил в каюте капитана.

– Вот болван, – пробормотал Паоло, – как я мог забыть про него; я же раз двадцать напоминал себе, что его обязательно нужно поднять сюда! К счастью, прошел уже час с тех пор, как мы ели; ничто не мешает мне добраться до брига.

И он бросился в воду.

И в этот раз, как обычно, маркиза держала в руках конец каната, – Паоло старался задержаться на корабле как можно дольше и возвращался уже тогда, когда силы его были на исходе.

Время шло, но он все не дергал за веревку, как было условлено.

Она начала беспокоиться, опасаясь, как бы он не задохнулся. Попыталась вытянуть канат, но тот не поддавался, потянула сильнее – с тем же успехом.

Некая невидимая сила держала перлинь, и взять над ней верх у маркизы никак не удалось.

Паоло было не выбраться...

Тысячи мыслей за несколько мгновений пролетели в голове молодой женщины, перебравшей, казалось, все причины, которые могли привести к этой катастрофе. В один миг она увидела его агонизирующим, мертвым, барахтающимся в воде, затем испускающим последний вздох. Чего только ей ни казалось – и что он мог удариться о балку, и что канат мог зацепиться за рею, и что его могла проглотить какая-нибудь огромная рыба...

Сотни других предположений мелькнули в ее голове в одно мгновение.

Наконец, не зная как ей быть, маркиза приняла твердое решение: она спасет его или умрет вместе с ним.

Она бросилась в воду и, придерживаясь каната, добралась до корабля; любовь придала ей сил и ловкости.

Сперва она проплыла вдоль палубы, затем, продолжая следовать за путеводной веревкой, протиснулась в люк и оказалась у одной из кают матросов. Подергав за канат, она поняла, что перлинь застрял под дверью; как ни старалась она открыть дверь, та не поддавалась.

Она поняла, что Паоло оказался в ловушке.

Дверь, судя по всему, захлопнулась за ним, и лишь толстые доски отделяли Луизу от ее возлюбленного.

Она толкала дверь изо всех сил; он был там, умирающий...

Преграда устояла; силы ее оставили, но маркиза и не помышляла о спасении; она решила умереть рядом с Паоло и осталась под водой.

Три минуты спустя она все еще держала веревку в своих скрюченных руках, но уже мало что соображала.

Ей предстояло умереть, он, должно быть, уже был мертв.

Глава VIII. План

В это время Паоло, целый и невредимый, выбрался на отмель.

Случилось же с ним следующее.

Оказавшись внутри корабля, он, по-прежнему обвязанный веревкой, проник в одну из кают, но так вышло, что бриг, будучи полуразрушенным, вдруг зашатался и начал оседать; во время толчка дверь каюты захлопнулась и, вследствие того, что палуба просела, открыть дверь уже не представлялось возможным.

Веревка застряла между створкой двери и подпоркой, и все попытки маркизы натянуть ее оказались тщетными.

Но Паоло не потерял самообладания; имея при себе нож, он тотчас же перерезал веревку и принялся искать выход.

К счастью, бриг при соприкосновении со скалой получил множественные пробоины; юноша проскользнул в одну из этих щелей и, в то время как маркиза отправилась искать его на корабль, вернулся на берег.

Они просто-напросто разминулись.

Констатировав отсутствие молодой женщины на пляже, Паоло понял, что она решила прийти ему на выручку, и поспешил вновь броситься в воду.

Спустя несколько мгновений он обнаружил полубесчувственное тело маркизы и поднял его на поверхность.

Когда она наконец пришла в себя, радость его не знала границ: руки обняли шею Луизы, губы припали к губам, сердце забилось в унисон с ее сердцем.

– Еще одна смертельная опасность, которой нам лишь чудом удалось избежать! – воскликнула она. – А я уж было подумала, что вот-вот умру...

– Бедная моя Луиза! Ты бросилась меня спасать!..

– И была бы очень счастлива, если бы мне это удалось. Но получилось так, что это ты – в который уже раз – вырвал меня из объятий смерти. А мне так хотелось испытать гордость от осознания того, что ты обязан мне жизнью!

– И тогда ты бы любила меня еще сильнее? – спросил он.

– Возможно, – отвечала она смеясь.

Они проголодались; провизии было вдоволь.

Обнаружив на корабле масло, он прихватил с собой лампу, и теперь они уже ни в чем не нуждались.

Единственное, чего им не хватало, так это свободы!

Но так ли уж она им была нужна в ту секунду?

Ей вовсе не хотелось покидать пещеру.

Паоло перетаскал на отмель столько еды, что им хватило бы ее на многие месяцы, и на бриге оставалось еще много продуктов.

– Да нам этого хватит года на три! – заметил он, кивнув в сторону бочек, сваленных в кучу у стен грота.

Мысль о том, чтобы остаться в этом склепе навсегда, столь приятная для нее в тот час, так прочно засела в мозгу молодой женщины, что она безрассудно спросила:

– Но не пойдет ли соленая пища во вред нашим детям?

Паоло нашел этот невероятный вздор очаровательным и разразился смехом, из-за чего маркиза слегка расстроилась.

Она занялась ужином, неожиданно обнаружив в себе такие таланты хозяйки, которые сделали бы честь и какой-нибудь голландской испольтнице.

Они, сидя друг против друга; из дорожной фляги, которую Паоло нашел неподалеку, по очереди пили крепкое бордо, которое он поднял с судна; с аппетитом съели сырой окорок и орехи.

Они были спокойны, счастливы, уверены в довольно-таки продолжительном будущем.

Они напоминали молодоженов, у которых уже была близость, но которые все еще пьянеют от новых радостей, долгожданных и наконец пришедших.

– Как хорошо здесь! – прошептала она, вздыхая.

– Ну да, – подтвердил он, показывая на свод, за которым была земля, – лучше быть здесь с тобой, чем там без тебя!

Она взяла его руку в свои – в знак благодарности.

В кармане куртки, которая была на нем в момент кораблекрушения, она обнаружила портсигар с сухими сигарами и преподнесла ему одну.

Он вскрикнул от радости.

– Вот уж не думал, что вид табака может доставить такое удовольствие.

– Значит, это приятный подарок? – спросила она.

– Самый лучший, какой ты могла мне сделать.

Он высек огонь и закурил; придвинувшись друг к другу, они принялись строить планы на будущее.

Она в своих помыслах исходила из того, что они проведут в гроте долгие годы; он же думал о том, как бы из этой пещеры выбраться.

– Ты беспрестанно выдвигаешь гипотезу, что мы здесь останемся навечно! – заметил он с легким укором.

– А ты чего хотел? Мне здесь нравится.

На это ответить Паоло было нечего, и он замолчал.

– Ты боишься, что мне вся эта жизнь надоест первой? – спросила она.

Ответ она прочла в его глазах: он был в этом убежден.

– Что ж, на этот счет я готова с тобой поспорить! – заявила она. – Когда найдем выход отсюда, посмотрим, кто на тот момент будет выглядеть более несчастным. А сейчас давай-ка подумаем, на чем мы будем спать.

– Действительно, – встрепенулся Паоло, – уже почти ничего не видно. Сейчас я зажгу лампу.

Он снова высек огонь и после нескольких безуспешных попыток все же сумел запалить фитиль.

Фонарь осветил весь грот, который ранее был погружен в полумрак, – через плотные слои воды свет пробивался с трудом.

Маркиза не сдержала возгласа восхищения.

Под лучами света влажные стены засияли; складывалось впечатление, что они обиты переливчатым муаром, усеянным россыпями драгоценных камней всевозможных оттенков.

– Вот! – воскликнула она радостно. – Вот оно, истинное наслаждение!

– Холст и палитра! – вскричал не менее ее очарованный Паоло. – Я создам из всего этого настоящий шедевр! Ведь я художник, дорогая, и художник довольно-таки приличный. Я изображу тебя обнаженной в виде морской Венеры, посреди этой подводной крипты, и назову свою картину «Владычица морей».

Под черными волосами, каскадами спадавшими на белые плечи, она была невероятно красива.

– Знаешь, – проговорил он, – у твоих ног – для контраста – я нарисую отвратительных морских чудовищ, голову твою украшу водорослями, и у тебя будут все атрибуты королевы, командующей морями и бурями. Это будет чудесно!

И с лампой в руке он оглядел ее.

Восхищение художника!

Эти безупречные линии, о которых он даже не догадывался – пусть и обладал ею несколько часов тому назад, – эти приятные формы, целомудренные и в то же время сладострастные, ввергли его в молчаливое созерцание; то был уже не мужчина, любящий женщину, а поэт, влюбленный в тип, в котором реализовался идеал совершенства.

Опустившись на одно колено, он склонился над ее рукой и с почтительной горячностью припал к ней губами.

Так бы поступил обожатель античной Венеры.

Но она, сперва изумленная, заставила его подняться, рассмеявшись над этим экстазом художника.

Этот смех вернул Паоло с небес на землю.

– Ты была для меня богиней! – прошептал он. – Зачем нужно было разрушать иллюзию и вновь становиться женщиной?

– Затем, – промолвила она, – что мне вовсе не нужны все эти почтительные обожания поэта; мне больше нравится страстная нежность мужчины.

Статуя закрылась покрывалом.

Он был опьянен этим зрелищем.

– Давайте-ка, господин поэт, – сказала она, – возвращайтесь к реальности. Ваши одеяла еще влажные; их нужно высушить, для чего нам потребуется огонь.

Он подчинился машинально; перед глазами все еще стояло видение, исчезнувшее под складками материи. Но то были лишь сожаления творца, так как, завернутая в платье, маркиза выглядела еще более соблазнительной, а вид ее обнаженной ножки, выглядывавшей из-под юбки, пробуждал в нем уснувшего любовника.

Вот о чем он думал, раздувая огонь, который быстро воспылал, испуская клубы дыма.

– Боже мой, – заметила маркиза, – от этого чертова огня мы здесь задохнемся.

– Ложись рядом со мной; сейчас дым поднимется. Воздух-то до нас откуда-то доходит; откуда идет – туда же и уйдет.

Действительно, когда огонь разгорелся как следует, то стал более чистым; что до дыма, то он исчезал через имевшиеся в горной породе трещины.

– Гляжу я на костер, – промолвила маркиза, – и кажется мне, что сейчас зима, и сидим мы у избушки какого-нибудь рыбака или лесоруба.

– Я тоже об этом подумал, – улыбнулся Паоло.

Долго они так сидели: он – положив голову на колени молодой женщине; она – сделав для него на коленях подушку из своих рук.

Затем Паоло проводил Луизу к ложу, которое, казалось, дожидалось их в углу грота, и, утомленные, они практически моментально уснули.

Проснулись они бодрыми и веселыми и несколько минут предавались тем свежим и радостным утренним шалостям, которые случаются у молодых любовников.

Она походила на горлицу, донимаемую молодым ястребом.

Затем в голову Паоло пришла одна мысль и, сплавав на бриг, он вернулся с длинной проволокой; он уже легко находил проход повсюду и ориентировался под водой не хуже, чем на земле. Матросы никогда не уходят в плавание без проволоки – она позволяет им в море не оставаться без любимого матлота.

По возвращении Паоло покопался в песке и вскоре уже имел в своем распоряжении несколько червей, на которых так падки рыбы.

Наживив червяка на проволоку, он забросил ее в воду, так далеко под скалы, как только смог: он решил, что рыбы там будет в избытке, и не ошибся в своих предположениях.

Уже через пять минут на крючок попалась чудесная дорада, весившая не менее фунта.

На то, чтобы убить рыбину и счистить с нее чешую, у юноши ушло еще с полминуты. Он разжег огонь и на импровизированной решетке, сложенной из выдернутых из досок гвоздей, зажарил добычу. Маркиза нашла ее вкус восхитительной.

Паоло пребывал в отличном настроении.

– По крайней мере, – сказал он, – с голоду в этой пещере мы точно не умрем, разве что в море передохнут все рыбы. И потом, у меня есть идея.

– И какая же?

– Вскоре узнаешь.

– Нет. Сейчас же.

– Ну что ж: я хочу взорвать скалу. Перетащу сюда порох – на бриге осталось еще бочек двадцать, – и мы его как следует высушим, перед тем как использовать. Затем я углублю расщелину, которую ты можешь видеть вон там, внизу, заложу в нее порох, и поднесу к нему огонь. Если все пройдет нормально, то взрывом эту горную породу разотрет в порошок.

– Но что будет с нами, несчастный?

– Мы спрячемся в укрытии.

– В каком?

– Еще не знаю; надо будет над этим подумать. Но подрыв – это наш единственный шанс на спасение. Я уже пытался долбить скалу, но даже за год мне в лучшем случае удастся проделать в ней лаз длиной метра в три, не больше.

И, бросившись в воду, он вернулся с бочонком пороха, который еще нужно было высушить.

Весь день и почти всю ночь юноша ломал голову над тем, как защититься от последствий взрыва или скорее взрывов, так как он не рассчитывал на то, что проход удастся открыть с первой же попытки.

На следующий день, с рассветом – как известно, утро вечера мудренее, – он вновь принялся исследовать пещеру в поисках подходящего укрытия.

Маркиза, наблюдавшая за Паоло со своего ложа, догадалась о том, что явилось причиной его озабоченности.

– Паоло, – сказала она, вставая и подходя к нему, – я знаю, ты ищешь укрытие, где мы могли бы спрятаться, когда взорвется заряд; если хочешь, могу подкинуть идею.

– Ну конечно! – произнес он.

– Ты не будешь надо мною смеяться?

– Да нет же. Почему я должен над тобою смеяться?

– Потому, что эта моя идея весьма оригинальна.

– Тем лучше... Да говори же наконец.

Она все еще колебалась.

– Ну же, не молчи! – настаивал он.

– Я слышала, – сказала она, – что пушечные ядра не погружаются в воду, но рикошетируют от ее поверхности.

– Так и есть.

– То есть вода оказывает сопротивление снарядам?

– Разумеется. И я уловил твою мысль; она превосходна. Мы укроемся под водой. Дай я тебя поцелую; ты нашла решение проблемы, над которой я бьюсь уже вторые сутки!

– Я так счастлива! – воскликнула она, радостно захлопав в ладоши. – Я боялась, что могу ошибаться!

– Ты ошибаешься так редко, что я немедленно приступлю к работе. А ты мне поможешь. Видишь эту трещину?

– Которую?

– Ту, что идет вдоль линии скал и уходит под воду.

- Да.
- Тогда, вероятно, ты видишь и то, что, цепляясь за неровности, имеющиеся на камнях, можно добраться до этой расселины и встать на выступе рядом с ней.
- Действительно, можно, но можно и упасть, мой друг.
- Разумеется. Но упасть куда?
- В воду.
- Всего лишь небольшое падение. Оно ведь тебя не страшит, не так ли?
- Нет, – сказала она.
- Так вот: мы постараемся расширить эту трещину таким образом, чтобы под нее можно было заложить нашу бочку с порохом. Когда это будет сделано, мы подожжем фитиль – о том, чтобы порох взорвался не сразу, я позабочусь – и нырнем под воду. Я уверен, что взрывом хорошенько тряхнет весь грот; кто знает, вдруг и эта скала развалится?
- Но, распавшись, она ведь может засыпать и проход?
- Это маловероятно; разрываясь, порох обычно образует зазоры. Я почти убежден, что здесь возникнет достаточно большая дыра, а осколки горной породы разбросает на многие метры вокруг. В любом случае это наш шанс выбраться отсюда.
- А не лучше просто подождать?
- Подождать чего?
- Пока нам здесь не скажут: тогда и попытаемся выбраться.
- А если один из нас вдруг заболеет? Как за ним ухаживать? Да и сомневаюсь я, что он здесь поправится. Влажность, которая царит в этом подземелье, вредна для здоровья, и мы рискуем в любой момент заработать себе здесь ужасный ревматизм и мучительную офтальмию.
- Тогда за дело, друг мой! – воскликнула она с испугом.
- Пойдем!
- Вооружившись инструментами, он быстро проложил им путь к вожделенному выступу. Они отважно атаковали скалу, которая на подступах к расселине была менее твердой, чем в иных местах; дыра увеличивалась с каждой минутой.
- Я полагала, что камень должен быть более твердым, – заметила она.
- Здесь он размягчен и слегка раздроблен, но вот в сердцевине породы практически неприступен.
- Значит, мы закончим нашу работу менее чем через час? – заметила она.
- И через два часа выберемся на свободу, – сказал он.
- Или погибнем!
- Это возможно, но маловероятно.
- Должно быть, это очень страшно – взрыв бочки с порохом?
- Просто ужасно!
- А вдруг мы кого-нибудь убьем?
- Луиза, – промолвил Паоло, – мы всегда подвергаем чью-нибудь жизнь опасности; каждый наш шаг может повлечь за собой смерть человека; к примеру, иду я по улице, встречаю друга, заговариваю с ним – словом, задерживаю его. Затем мы расходимся, каждый своей дорогой, его убивает упавшей трубой, и я становлюсь невольной причиной его смерти. Если бы я его не остановил, он бы не оказался на месте падения трубы в тот самый момент, когда ей вздумалось свалиться с крыши. Все эти опасения столь же глупы, как и угрызения совести, которые я вроде как должен бы испытывать из-за того, что остановил друга. И потом, все люди стоят друг друга: твоя жизнь имеет такую же ценность, как и жизнь какой-нибудь другой женщины. Не предпринимая попыток выбраться отсюда, мы обрекаем себя на смерть печальную и долгую, на смерть на медленном огне, как говорят в народе, и это будет ужасная пытка, медленная и жестокая агония. Там же, по ту сторону, если кто и умрет, это случится быстро и безболезненно; у него не будет таких мук, какие ждут нас, если мы здесь останемся.

– И тем не менее...

– Довольно, Луиза, довольно; не то я поверю, что ты готова предпочесть человека незнакомого, которому может грозить смерть, а может и нет, возлюбленному, который находится рядом с тобой.

– Ты прав! – воскликнула она при этих словах и с удвоенной энергией принялась за работу.

Вскоре все было закончено.

Порох оказался вполне пригоден к использованию; вода хоть и проникла в бочку, но смочила лишь внешний его слой, так что в середине он остался сухим.

– Этого нам хватило бы и для того, чтобы поднять целую гору! – воскликнул Паоло, тщательно проверив свои запасы.

Маркиза спросила:

– Значит, все уже решено?

– Да.

Она ничего не ответила; впрочем, она и так знала, что воля его непоколебима и ничто не может заставить его отказаться от намеченной цели.

– Не так-то и просто будет запихнуть порох в эту дыру, – заметил он, – но, думаю, мы справимся. Я встану на выступ, а вот та шероховатость послужит мне шкивом; я перевяжу бочку веревками, собьем небольшой плот из досок и затолкнем его под эту выпуклость. Когда он окажется точно под ней, я потяну веревки на себя, и бочка встанет на нужное нам место.

Так они и поступили, после чего Паоло приготовил три фитиля одинаковой длины и два из них по очереди спалил – нужно было вычислить такую длину третьего, чтобы он горел ровно полминуты.

Долго под водой они бы оставаться не смогли, поэтому все должно было быть выверено до секунды.

Покончив со своими опытами, он присоединил фитиль к бочке и вернулся к маркизе.

Луизу била мелкая дрожь.

– Ну что, все готово? – спросила она.

– Да, – отвечал Паоло сдавленным голосом – волнение маркизы передалось и ему.

И было из-за чего волноваться: они собирались подвергнуть себя ужасной опасности; намеревались разыграть партию, ставкой в которой была жизнь, не имея полной уверенности в том, что их не погребет под осколками скалы, которую поднимут на воздух двести фунтов пороха.

Они упали друг другу в объятия.

– Возможно, это наш последний поцелуй! – прошептал он.

– Тогда пусть он будет долгим и нежным! – сказала она.

Вместо ответа он еще крепче прижал ее к себе...

Наступил вечер, а вместе с ним и назначенный час. Паоло поднялся на ноги; нужно было действовать. Запалив труповую палочку, он забрался на скалу и осторожно приблизился к фугасу.

Оказавшись на расстоянии вытянутой руки от фитиля, решительный юноша вдруг замялся; он просчитал еще раз шансы на успех и на гибель и, найдя их равными, пребывал теперь в сомнениях.

Взгляд его обращался то на маркизу, то на заряд, и он говорил себе, что через пару минут последний, возможно, убьет женщину или же ужасно ее покалечит.

Поняв, что именно она является причиной этой задержки, этой слабости, маркиза решила твердо покончить со столь тяжелой для нее нерешительностью.

В конце концов, иного выхода у них просто не было.

– Зажигай фитиль и спускайся, Паоло, – закричала она. – Будь что будет!

– Это твое последнее слово? – спросил он.

– Да, – решительно промолвила маркиза, – жребий брошен!

– Что ж, как скажешь.

И он поднес трутовую палочку к фитилю, который тотчас же вспыхнул.

– Давай за мной! – крикнул Паоло и бросился в воду.

Маркиза не замедлила к нему присоединиться, и море сомкнулось над их головами.

Фитилю оставалось гореть тридцать секунд...

Глава IX. Драма на борту

Произошел ужасный взрыв...

Огромный кусок утеса взлетел на воздух и рассыпался в пыль. Пещера была уничтожена...

Находившийся в воде Паоло ощутил легкую контузию. Сдавленная с невероятной силою, вода выбросила тела юноши и маркизы на то, что раньше было скалой.

Первым вынырнув на поверхность, Паоло увидел небо, но тут его накрыло градом камней и щебня, заставившим вновь уйти под воду.

Когда он выбрался наконец на берег, то тут, то там еще падали мелкие осколки горной породы.

Паоло услышал крик.

Без раздумий бросившись в воду, он поплыл в том направлении, откуда донесся этот призыв о помощи, и заметил безжизненно качавшееся на волнах тело маркизы.

У молодой женщины была пробита голова...

Взревев от ярости, Паоло лихорадочно вцепился в ее мокрые одежды одной рукой, а другой погреб к берегу, выбравшись на который, он потерял сознание.

Когда тебе четырнадцать, горе убивает.

Но по прошествии первого шока все быстро забывается; молодость не смотрит в прошлое, неудержимо стремясь в будущее.

Паоло был на берегу Сицилии.

Придя в сознание, он обнаружил, что находится в рыбацкой хижине. На его вопрос, что стало с молодой женщиной, выгашенной им на берег, ему сказали, что она умерла и тело ее предали земле.

Несколько часов Паоло пребывал в глубоком отчаянии, но потом почувствовал, как жизнь, неудержимая, возвращается к сердцу. Невольно он принялся мечтать о грандиозных планах, которые строил в Неаполе.

Нужно жить дальше.

Непреодолимая тяга к морю привела юношу в Палермо, где он нанялся обычным матросом на одно испанское судно, отплывавшее в Барселону.

Только представьте себе: он, будущий Рыжая Борода, новый Жан Бар – и согласился на столь жалкую должность!

Но Паоло был сильным парнем, которого ничто не могло остановить.

Добросовестным отношением к делу он быстро завоевал уважение капитана барки.

В Барселоне он получил несколько дура и оставил корабль.

В порту он увидел судно-конфетку – узкое в киле, с остроконечными мачтами, созданное не ходить, а летать; бриг – элегантный, красивый, крепкий, кокетливый, пленительный, грациозный, чарующий.

И Паоло сказал себе:

– Ах! Если бы это восхитительная скорлупка была моею, я бы такого добился!..

Он поинтересовался, куда держит курс этот корабль со столь изящными формами и столь длинными реями.

– А черт его знает! – промычал один, выразительно пожав плечами. – Но сдастся мне, что он перевозит контрабанду.

– Судно-то совсем новое, – заметил другой с лукавой улыбкой. – Слышал я, что направляется оно к берегам Африки, откуда повезет «черный товар» на Кубу.

«Черным товаром» моряки зовут между собой негров-рабов.

Паоло сказал себе, что кем бы – работорговцем или контрабандистом – капитан этого брига ни был, он должен обязательно его увидеть.

И юноша его увидел.

– Капитан, вам случайно матрос не нужен? – спросил Паоло у огромного детины-испанца, каталонца, чья физиономия висельника несла на себя печать самых отвратительных пороков.

Но Паоло на капитана было плевать – его интересовал корабль.

– Матрос! – воскликнул капитан. – Да ты можешь быть разве что юнгой! И потом, умеешь ли ты хоть что-то? Выходил ли хоть раз в море?

Вместо ответа Паоло притянул к себе канат, свисавший с большой мачты, за счет одних лишь рук взобрался на марс, поднялся до выбленок, отважно прошелся по рее и, не обращая внимания на снасти, спустился на палубу.

Команда, занятая погрузкой провизии, зашлась бешеными аплодисментами.

Капитан соизволил вымолвить:

– Я тебя беру. Будешь получать вино, как все матросы, и два дура ежемесячно. Кроме того, можешь рассчитывать на десятую часть барыша. Отплываем завтра.

– Да хоть сегодня! – сказал Паоло. – Я останусь на бриге.

И он принялся помогать матросам.

Он полюбил этот корабль, как женщину; он бродил по нему, изучая его в малейших деталях – спереди, сзади, с левого борта, с правого борта, от кормы до трюма, и находил его совершенным до всех отношений.

Бриг был идеальным!

Пока корабль находился в порту, все было прекрасно: Паоло никто не трогал.

Когда же судно вышло в море, положение переменилось.

Команда состояла из одних лишь работорговцев. То был полный набор бандитов из берегового братства, дезертиров, бывших пиратов и прочих подозрительных личностей – короче говоря, отбросов общества, законченных негодяев, не представлявших жизни без драк и перебродившего рома.

Был среди них один, который не нашел ничего лучшего, чем положить глаз на Паоло, этого юнгу с красивыми золотыми волосами и женственным личиком; паренек ему очень нравился.

В первый же вечер матрос предложил Паоло стать его лучшим другом, но, наткнувшись на твердый отказ, счел себя униженным и наградил юнгу увесистой оплеухой.

Паоло ринулся вперед и ударил матроса, чья симпатия проявилась столь быстро. Наноса удар, Паоло забыл разжать пальцы и выпустить из руки нож, который выхватил из-за пояса мгновением раньше.

Матрос упал, заливая палубу кровью, издавая грозные вопли.

Прибежал капитан и потребовал объяснения.

Все решили, что юнга будет наказан сотней ударов линьком.

Ничего подобного!

– Паренек поступил правильно! – сказал капитан. – Есть только один человек на корабле, которому позволительно навязывать столь приятному юноше свою дружбу и протекцию. И человек этот – капитан. Иди-ка сюда, Паоло. Я буду для тебя вторым папочкой, а ты станешь чистить мне одежду, будешь мне сыном и одновременно товарищем.

Матросы громко загоготали, Паоло же даже не пошевелился.

– Решительно, ты не слишком сердечный мальчуган, – хмыкнул капитан. – Заруби-ка себе на носу: если через три дня мое маленькое предложение не будет тобою принято, клянусь честью, я выброшу тебя за борт. И если я и даю подобную отсрочку, то лишь потому, что за время пребывания на суше я выказал столько нежности и симпатии, что теперь чувствую себя выжатым как лимон... Решать тебе, но через три дня – либо смерть, либо дружба.

И капитан отправился отдыхать.

Когда он удалился, матросы принялись подначивать Паоло, который сперва старался оставлять их грязные шуточки без внимания, но затем не сдержался и послал куда подальше одного великана-калабрийца, допекавшего его больше других. Юноша вновь хотел воспользоваться ножом, но тут на него навалились несколько человек, и он вмиг был обезоружен и избит.

Паоло достойно перенес это унижение.

На следующее утро он вновь был весел и ни словом не обмолвился о случившемся накануне.

Он был дежурным по камбузу и как следствие отвечал за вино и общий стол.

Капитана и его помощника Паоло обслуживал на час раньше матросов.

– А у него есть характер, – перешептывались те, слыша, как юнга напевает что-то себе под нос, – у этого паренька.

А капитан накручивал на палец усы, говоря помощнику:

– Ничего, скоро явится чистить мне одежду и заправлять постель и даже не пикнет! Денщик из него выйдет отменный!

– Я бы и сам не прочь приручить этого щенка! – заметил походивший на английского дога помощник, который дезертировал из флота его британского величества после обвинения в баратрии. – После вас, разумеется, капитан.

– На обратном пути, когда повезем негров. Думаю, к тому времени этот Паоло мне уже наскучит, и ты сможешь забрать его себе в услужение.

– Благодарю вас, капитан. Но пройдемте к столу, обед уже подан.

Они больше пили, нежели ели, дымя как паровозы – испанец курил сигареты, англичанин – сигары, – после чего задремали.

Матросы, видя их развалившимися на банках, говорили друг другу:

– Опять напились, черти!

Но на рабовладельческих судах офицеры – это вам не какие-нибудь пансионеры, и команду не возмущает пьянство начальства.

Один из матросов стоял за штурвалом, другой, тот, что был ранен, отдыхал в своем гамаке, еще пятеро хлебали суп.

– Если желаете, – сказал им новоявленный юнга, – могу принести и вам выпить – офицеры-то спят. Там еще осталось достаточно рома; стащу бутылку ямайского – авось и не заметят.

– Да капитан, если узнает, из тебя всю душу вытрясет!

– С чего бы? Мы ж с ним как-никак вскоре должны подружиться...

И Паоло прошмыгнул в каюту достопочтенного капитана и, вернувшись с бутылкой, разлил ром по стаканам.

– А малый-то не промах! – говорили эти морские волки, восхищаясь наглостью Паоло.

И началась пьянка...

Паоло дважды еще возвращался к корзинам капитана брига, так что через час все матросы, за исключением того, что стоял за штурвалом, уже дрыхли на палубе.

Подойдя к рулевому, Паоло протянул ему стакан ямайского.

– Вот, выпей! – сказал он. – Пара глотков тебя не убьют!

Здоровое зерно в этих словах имелось, к тому же рулевой обожал хороший ром. Он выпил. А Паоло между тем всадил ему нож между лопаток. Бедняга упал замертво.

Юноша закрепил штурвал двойными канатами, а затем подошел к помощнику капитана.

Лезвие вошло глубоко в сердце английскому догу, который лишь приглушенно вскрикнул под рукой Паоло, заткнувшей ему рот.

Команда была слишком пьяна, чтобы вызывать опасения, и Паоло окинул взглядом капитана – тот крепко спал.

– Этот еще может подождать, – прошептал юноша.

Вооружившись вагой, он проломил череп двум марсовым, храпевшим на корме.

Далее настал черед тех трех, что спали под бизанью, – им он тоже пробил головы. Одни из матросов, правда, очнулся и попытался встать, но тотчас же обрушился на палубу, словно бык под дубиной мясника. Спустившись на нижнюю палубу, Паоло отправил на тот свет раненого.

Оставался капитан.

Запасшись на всякий случай пистолетом, юноша крепко связал спящего по рукам и ногам пеньковым тросом на его банке.

Придя в чувство, испанец попытался вскочить, разорвать сковывавшие его узы, позвать на помощь.

Паоло рассмеялся.

– Можешь кричать и брызгать слюной сколько угодно, тебя здесь все равно уже никто не слышит, – сказал он и добавил: – Я решил не ждать три дня.

И он нанес испанцу ужасные увечья, после чего оставил его умирать. Агония несчастного длилась двое суток.

Юноша побросал трупы в море, прислушиваясь время от времени к хрипам капитана, а затем выдраил палубу и привел все в порядок.

Потом убрал парочку парусов, установил точное местонахождение судна и взял курс на Алжир.

Он был очень осторожен и совсем не спал, лишь изредка проваливаясь в дремоту.

Капитан умер, когда до берега оставалось всего ничего, и Паоло сбросил тело в воду.

Ему повезло: дул попутный ветер, погода стояла ясная, и в порт Алжира он прибыл без каких-либо серьезных происшествий.

Велико же было удивление офицеров дея, когда они увидели, что кораблем управляет юнга!

Судно остановилось посреди порта, и морские офицеры дея поднялись на его борт, чтобы узнать причину этого странного прибытия.

Они были встречены Паоло, который прилично говорил по-итальянски, по-испански и по-французски, но не знал ни слова по-арабски.

Позвали переводчика, на вопросы которого юноша отвечал следующее:

– Я желаю быть корсаром. Этот бриг я захватил в одиночку. В Алжире хочу набрать команду и заняться каперством под флагом дея.

Говорить что-либо еще Паоло упорно отказывался.

Его доставили на берег, разрешив сохранить при себе все золото, какое было у него в поясе, но бейлиф конфисковал судно и весь имевшийся на нем груз, несмотря на протесты Паоло, который, в силу своей привычки говорить с монархами, настаивал на аудиенции у дея.

Хуссейн¹⁹ согласился рассмотреть дело юноши еще и потому, что наиболее могущественные мусульманские правители любят вершить правосудие лично.

Дею Алжира было любопытно взглянуть на юнгу, который в одиночку захватил корабль и хранил по этому поводу странное молчание.

«Уж я-то заставлю его говорить», – думал Хуссейн.

И в один из тех дней, когда дей, окруженный охраной и придворными, выносил решения в своей крепости, он затребовал к себе просившего об аудиенции юнгу, и Паоло предстал перед ним.

Приемы у дея Хуссейна проходили просто, но величественно.

¹⁹ Хуссейн III (1773–1838) – последний османский правитель Алжира. В 1827 году ударил французского посла Девала опухалом по лицу во время жаркой дискуссии по поводу неуплаченных долгов за зерно. Это послужило поводом для французского вторжения в Алжир в 1830 году. Хуссейн был принужден сдать высидившимся в Алжире французам и лишен власти.

Этот грозный правитель, из простого янычара сделавшийся королем, восседал на ковре, разостланном посреди просторного двора, в тени столетнего дерева.

То был человек спокойный и в то же время решительный. Поговаривали, он был горазд на жестокости, которые заставляли людей дрожать и вызывали у них возмущение, но не менее часто совершал Хуссейн и благородные поступки, за которые жители Алжира были готовы многое ему простить.

Народ обожал его и в то же время боялся; он умел управлять опасными подданными, которые находились в его подчинении; зачастую снисходительный, иногда неумолимый, он внушал страх богачам, но был горячо любим чернью и солдатами.

Счастье ждало того, кто служил ему верой и правдой, горе было тому, кто надумал его предать.

Патриархальный в своих привычках и манерах, он был крайне непринужден в общении. Несмотря на то, что одевался он очень просто и был всегда доступен простым людям, во всех его позах и жестах присутствовала некая гордость, внушавшая уважение.

Когда мусульманский правитель вершит правосудие, приказ его приводится в исполнение немедленно.

Позади его держатся шауши, готовые поколотить палками или обезглавить приговоренных.

Но Паоло совершенно не испугала обнаженная сабля знаменитого Мехмета, любимого шауша Хуссейна, который как-то раз срубил триста голов мятежников на глазах у своего невозмутимого господина.

Представ перед Хуссейном, Паоло с врожденной грацией приветствовал его на восточный манер и без смущения выдержал тяжелый взгляд черных глаз дея.

– Чего ты хочешь, руми?²⁰ – спросил Хуссейн у юноши.

– Мой корабль, сидна²¹, – отвечал Паоло.

– Твой корабль, юноша, будет тебе возвращен, если ты сможешь доказать, что он действительно принадлежит тебе.

– Не я ли привел его сюда, в одиночку; не я ли находился на палубе, когда судно вошло в порт?

– Это ничего не доказывает.

– Это доказывает все, сидна.

Изумленный такой дерзостью, дей нахмурил брови, и его олимпийский лоб покрылся морщинами.

– Сидна, – промолвил Паоло, – позволь ребенку, каковым по возрасту я являюсь, с почтительной искренностью представить тебе свои объяснения.

– Говори!

– Сидна, видя тебя, и никого больше на этом ковре, который суть есть трон деев, я говорю себе: «Вот человек, которому принадлежит весь Алжир». Вот и видя меня, и никого больше, на полуюте брига, который суть трон капитана корабля, ты должен сказать себе: «Это судно принадлежит ему!» Так ли уж важно, как именно оно мне досталось? Оно мое, вот что главное. Разве я спрашиваю у тебя, стал ты деем как сын или племянник предыдущего дея, или же тебя возвели на престол чудеса храбрости и сообразительности? Нет. Ты правишь, вот что важно. Примерно так же обстоит дело и со мной, разве что владения мои не столь значительны.

Доводы юноши, казалось, убедили дея, однако же любопытство его требовало удовлетворения.

– Хорошо! – промолвил он. – Я верну тебе бриг, но при одном условии.

²⁰ Христианин (у мусульман).

²¹ Господин (араб.).

– Каком, сидна? Если речь идет лишь о том, чтобы мне стать преданным тебе душой и телом, будь уверен – в моем лице ты получишь слугу надежнейшего и вернейшего.

– Какой же ты скользкий! – воскликнул Хуссейн. – Но что бы ты ни делал, твой бриг к тебе вернется, лишь если расскажешь, как тебе удалось его захватить.

Паоло претило вдаваться в подробности; к тому же он чувствовал, что загадочный покров, лежащий на его прошлом, необходим для престижа; он видел, что твердость, с которой он продолжает хранить молчание, произвела настоящую сенсацию в Алжире, и – для своей будущей репутации – решил не поддаваться даже на уговоры дея.

– Мне очень жаль, – сказал юноша, – но я не могу удовлетворить твою просьбу. За твоей спиной стоит шауш; одно твое слово – и он забьет меня до смерти палкой. Кроме того, ты можешь попытаться заставить меня говорить под ятаганом Мехмета – я не скажу ни слова, хотя и горю желанием быть полезным.

Дей пребывал в нерешительности.

Его переполняла глухая ярость, но он вглядывался в симпатичное лицо Паоло и видел светящиеся умом глаза юноши; они смотрели на него с такой преданностью, что он решил не подвергать паренька наказанию.

– Юноша, – промолвил он, – ты первый, кого не постигнет смерть после неподчинения Хуссейну; и за это ты должен благодарить ту счастливую звезду, что тебя защищает. Мои уста отказываются произносить смертный приговор. Но я конфискую бриг. Ты свободен. Если хочешь, то можешь поступить на службу к одному из моих корсаров... Проявишь себя в деле – и мы вернемся к нашему разговору... Но о корабле своем больше даже не заикайся; возвращать его я не намерен.

Поняв, что настаивать не имеет смысла, Паоло сделал вид, что смирился с утратой.

– Окажи мне всего одну милость! – попросил он.

– Какую?

– На борту судна у меня остался походный мешок; позволь мне за ним вернуться.

– Хорошо. Ты можешь забрать его, когда тебе будет угодно, – промолвил дей.

В тот же вечер юнга предстал перед матросами, оставленными охранять корабль.

Они получили приказ позволить ему взять все, что он пожелает, и беспрепятственно пропустили на судно.

Проведенная ранее инвентаризация груза показала, что бриг перевозил украшения из стекла и скобяные товары, которые на берегах Африки должны были быть обменены на рабов.

Кроме того, на борту имелись ружья и ящики с патронами – на случай возможных атак негров.

На глазах двух матросов охраны юнга поднялся из трюма с зажженной спичкой и, вместо того чтобы сесть в ожидавшую его шлюпку, бросился в море, прокричав:

– Полундра! Сейчас будет взрыв!

Едва матросы успели попрыгать в воду, как бриг разлетелся на части...

Молва быстро разнесла по Алжиру весть о происшедшем; дошла она и до дворца дея.

Хуссейн был вне себя от ярости; впервые нашелся человек, осмелившийся бросить ему столь дерзкий вызов.

Он приказал арестовать Паоло.

Весь Алжир, уже заинтересовавшийся отважным юношей, был уверен, что на сей раз Паоло не удастся избежать смерти.

Расхаживая взад и вперед по двору дворца, дей с нетерпением ждал появления мальчишки, который осмелился сыграть над ним шутку.

Виновного привели.

Его уверенность ошеломила Хуссейна.

Паоло подошел к нему, поклонился и поцеловал руку дея, который, вопреки своей воле, смутился.

Тем не менее, обуздав секундную растроганность, Хуссейн резко отдернул руку и сурово промолвил:

- Ты умрешь, негодяй! Можешь помолиться.
- В этом нет необходимости, – отвечал Паоло.
- Ты не веришь в Бога?
- Я ни во что не верю.

Хуссейн был поражен.

Паренек обладал характером столь стойким, что решимость дея была поколеблена. И все же он желал испытать Паоло.

– Приступай! – бросил он шаушу.

Палач начал готовиться к казни; расправив складки бурнуса, он обнажил плечи виновного, отвел в сторону его красивые золотые волосы и занес над его головой саблю.

Паоло даже не пошевелился.

Дея подал знак Мехмету, и тот заткнул ятаган за пояс.

– Я сохраню тебе жизнь! – сказал Хуссейн Паоло. – Будешь служить на тартане. Ты храбр и мне нравишься; я сделаю тебя богатым.

Иные, услышав такое, просяив от радости, поспешили бы удалиться; юнга же довольным не выглядел.

– Если вы, ваше высочество, имеете хоть каплю веры в меня, то прикажете доставить меня на одном из кораблей на итальянскую территорию, и я вернусь с другим бригом, но сам буду им командовать. – Юнга улыбнулся. – И вы, ваше высочество, больше не станете настаивать на том, чтобы я поведал свою тайну. Я не открою ее, даже если меня привяжут к жерлу заряженной пушки!

– В сущности, – промолвил Хуссейн, – так ли важно, как они тебе достаются? Возвращайся с бригом. Я распорядюсь, чтобы тебя высадили у берегов Калабрии.

* * *

Два месяца спустя в порт Алжира вошел бриг, команда которого состояла из трех человек: двухметрового великана (то был Вендрамин) и двух юнг.

Одним из них был тринадцатилетний провансалец, паренек смуглый, живой, шаловливый и гораздый на проказы, другим – Паоло, который сдержал свое обещание.

Дея оказал ему прием, достойный офицера самого высокого ранга.

Узнать подробности захвата корабля не представлялось возможным; Паоло был нем на этот счет, да и Хуссейн не слишком настаивал.

Он позволил юноше набрать команду.

Подобрать матросов из числа добровольцев юнга сумел без труда. Он знал, чего хотел: команда его должна была состоять в основном из совсем юных ребят.

Алжирские паренки, бродящие по площадям – так называемые «дети улиц», несколько сыновей отважных корсаров, с десятков матросов, старых морских волков, с радостью записались на новое судно.

Но у юнги не было средств на покупку пушек, пороха, ружей и провизии; так как от продажи груза – не самого ценного – удалось выручить сущие гроши.

И здесь начало проявляться чье-то загадочное вмешательство в жизнь Паоло.

В тот самый момент, когда Паоло хотел уже призвать к великодушию Хуссейна, от некой таинственной персоны поступила огромная сумма наряду с кое-какими инструкциями.

Юный капитан не должен был считаться с расходами, как и пытаться разузнать имя его покровителя.

Он ни с кем не был обязан делиться своей частью добычи; от него требовалось лишь быть отважным и ловким и постараться завоевать как можно более громкую репутацию.

Немало удивленный, но и обрадованный, Паоло пообещал себе во всем соответствовать полученным рекомендациям, и данное слово сдержал.

Еще до выхода из порта у него произошла стычка с одним из матросов.

Вынудив соперника сразиться на пистолетах, Паоло пустил ему пулю в грудь.

При поддержке своего друга-провансальца он установил на корабле строжайшую дисциплину и добился беспрекословного себе подчинения как молодых матросов, так и старых корсаров.

Первый его поход удался на славу: он захватил несколько шхун, выстоял в ожесточенном бою против корсаров Эр-Рифа, которые желали отнять у него добычу, потопил два их корабля и вернулся в Алжир со своими трофеями и двадцатью шестью головами незадачливых рифийцев, прибитыми к реям.

Он продолжал разбойничать на море до тех пор, пока не получил приказ явиться в Танжер, где его ждал пароход, только что сошедший с нью-йоркских верфей.

Построено судно было на деньги его загадочного благодетеля.

Паоло был удивлен, но отказываться от подарка не стал.

Пароход был готов к спуску на воду; Паоло получил его из рук американского инженера.

Последний ознакомил юношу с деталями конструкции судна и заявил, что останется на борту до тех пор, пока новый капитан не научится управлять кораблем самостоятельно.

Инженер уже позаботился о том, чтобы нанять на судно марокканских истопников.

Из Нью-Йорка он привез механика-негра, сообразительного, работающего парня, купленного судовладельцем в Америке на невольничьем рынке и обученного управлять машиной.

Короче говоря, таинственный благодетель Паоло позаботился абсолютно обо всем.

Распрошенный Паоло, инженер поклялся (и сказал правду), что ему совершенно ничего не известно о фрахтователе корабля, но заверил юношу, что чей-то в высшей степени гениальный ум сделал все для того, чтобы пароход обладал поразительными мореходными качествами и был предельно прост в обращении.

– Определенно, – сказал американец, – ваш благодетель – человек неординарный. Его планы, присланные нашим конструкторам, немало тех поразили; того, что он изобрел, в навигации еще не было.

И Паоло в тысячный раз задался вопросом, кто же мог быть этот человек, так много для него делающий!

В своей каюте шестнадцатилетний капитан обнаружил необычную библиотеку.

В ней имелись десять крайне странных рукописей, посвященных малоизвестным наукам.

Рядом с книгами юноша нашел подробные инструкции, оставленные загадочным дарителем.

Паоло следовало наскоро дополнить его образование ознакомлением с этой библиотекой, и в частности с этими манускриптами, в которых были представлены необычные взгляды на то, что принято называть оккультными науками.

Корсар должен был выдавать себя за обычного путешественника, бороздящего моря исключительно ради собственного удовольствия, привыкая к управлению пароходом, после чего инженеру предстояло покинуть Паоло, а самому юноше предписывалось вернуться в Алжир.

Но кто этот даритель?

Кому принадлежало судно?

Каковы были планы этой таинственной персоны?

Даже полиция Хуссейна ничего не смогла выяснить по этому поводу, и дей был заинтригован в не меньшей степени, чем его шестнадцатилетний корсар.

Каждый раз, как Паоло размышлял над этой тайной, в его пылком воображении рождались самые химерические предположения, но все они были далеки от величественной, грандиозной реальности.

Часть первая. Корсар с золотыми волосами

Глава I. Трусость перед врагом: смерть!

В 1828 году, когда Алжир все еще принадлежал алжирцам, в Средиземном море господствовали корсары.

Христианская Европа находилась во власти кучки пиратов-мусульман.

Каторги дея Хуссейна были забиты тысячами рабов всех национальностей; в гаремах юные девы, плененные во время разбойных рейдов, исполняли прихоти сластолюбивых мавров, достаточно богатых, чтобы их купить.

Испания жила в ежедневном страхе перед нападением со стороны племен, проживавших на соседних с территориями, которые она занимала на берберском побережье, землях. Пираты угрожали Ла-Калле во Франции; пляжи Италии, острова Греции, утесы Каталонии – вся береговая линия – постоянно подвергались дерзким и разорительным набегам корсаров Регентства.

Тщетно, еще со времен Карла Пятого и Людовика XIV, великие морские державы пытались разрушить это пиратское гнездо – все их попытки неизбежно проваливались.

Ни случайные бомбардировки этого бандитского логова англичанами, ни постоянное и крайне разорительное для государственной казны наблюдение за ним французской эскадры существенных результатов не приносили – порт вновь и вновь возрождался из пепла.

Тартаны продолжали бороздить моря, раз за разом ускользя от вражеских крейсеров, возвращаясь с добычей под носом сразу нескольких кораблей, неспособных преследовать эти легкие барки, которые летают по воде, как чайки в небе.

Для того чтобы завоевать Алжир, Алжир девственный, святой, хорошо охраняемый, нужны были немалая армия, флот кораблей в триста и неукротимое упорство; чтобы сохранить его, нужны были еще шестьдесят тысяч человек, наши пушки и весь наш военный гений.

Но Алжир тогда был на пике своего могущества.

Впрочем, и сегодня это земля, полная странностей, ярких контрастов, поразительных аномалий, необъяснимых гармоний, непостижимых загадок.

Арабы называют его «краем, покрытым вуалью».

В годы, предшествующие его завоеванию, перед путешественником, который осмеливался приподнять хотя бы уголок этой вуали, на каждом шагу вырастал какой-нибудь сфинкс, забрасывая его назойливыми вопросами, запугивая и зачаровывая взглядом.

Уже тогда – и это было удивительно – жизнь в городах, с их мавританской цивилизацией, являла собой полную противоположность дикарскому, варварскому существованию дуаров²², располагавшихся прямо за городскими стенами; нигде это противопоставление не было столь резким, как в Алжире последних лет его независимости.

С высоты Императорского форта открывалась огромная панорама, охватывавшая город и порт, тенистые сады и пустынные земли, море и Атласские горы с их уходящими за горизонт вершушками.

Станный человек вглядывался в даль с вершины этой величественной цитадели.

Дело было в июне, когда сумерки спускаются внезапно; вечер выдался чудесный.

Мягкий и благоуханный бриз легко колыхал море; огромный вал вяло накатывал на берег и отступал – лениво и безвольно.

²² Кочевое поселение бедуинов.

Волна ласкала сушу, испуская бесконечно нежные вздохи, к которым прислушивался этот стоявший на крепостной стене мечтатель.

Внизу лежал город с его бесчисленными террасами, минаретами мечетей, силуэтами фортов, мрачной крепостью, окруженной ореолом творящихся в ней неслыханных злодеяний, и огромным редутом времен Карла Пятого, гордо высившимся на кратере временами еще напоминавшего о себе зловещего вулкана.

Пока одни суда, встав на якорь, мирно дремали; другие бесшумно выходили в море, невзирая на французские фрегаты, очертания которых постепенно расплывались черными точками на рейде.

Небо сияло огнями, освещая глубокое море, и казалось, что колышущиеся волны желают завернуть миллиарды звезд в свои фосфоресцирующие складки.

Гигантские горы огибают этот пейзаж, не ограничивая его, но заключая картину в рамку, дерзкими контурами которой любитесь взор, коему нет нужды останавливаться на растворившихся в небесной лазури пиках.

В бесконечности пространства теряется не только взгляд, но и заснеженная Джерджера. К величию этого ансамбля примешивалась пикантность деталей.

Из Императорского форта вы могли слышать музыку танцующих кафе, песни импровизаторов, выбиваемую альмами барабанную дробь дарбук; вместе с этими праздничными звуками приходили пронзительные завывания хищников, бродящих в сумерках по лощинам.

В овраге янычар, обняв за талию прекрасную девушку, тайком сбежавшую из сераля, мелодично читал ей любовные сонеты поэта Абд-Эррамана; где-то неподалеку, вбирая эманации кладбища, мрачно рычала гиена.

Вой голодного хищника и чудесные звуки поцелуев повторяло эхо.

Человек, спустившийся уже к подножию форта, напрягал слух, вслушиваясь в дуновение бриза...

Устремив взор на лазурное море, он вглядывался в тени, отбрасываемые на рейд фрегатами.

Какой интерес привел его сюда?

То был странный и, судя по всему, опасный тип, так как, заметив его, влюбленные вскочили на ноги.

– Старый Иаков! – воскликнула мавританка.

– Колдун! – пробормотал янычар.

И, испуганные, они убежали.

Еврей даже не пошевелился.

Лежавший позади него пес встрепнулся, адресовал заунывную жалобу ветру, а затем, по легкому свисту хозяина, вновь улегся у его ног.

Об этом человеке и его собаке по Алжиру ходило множество слухов, которые никто так никогда и не смог прояснить.

Пса звали Саид²³, его хозяина – Иаков.

Выглядели они так, словно давно уже достигли крайнего предела старости. Еврею определенно было больше ста лет, собаке – не меньше пятидесяти.

Пес и его хозяин наводили ужас на алжирских буржуа – в Алжире тоже, даже в те времена, была своя буржуазия.

Горожане утверждали, что этот старец обнаружил способ жить гораздо дольше общепризнанных границ; поговаривали, что знание чудесной тайны позволяло ему время от времени продлевать жизнь не только свою, но и своей борзой.

²³ Тигр (араб.).

Серая, высохшая, согбенная борзая выглядела именно так, как, согласно народным преданиям, и выглядели псы колдунов Средневековья.

Да и хозяин ее мог служить олицетворением дряхлости.

Алжирские старожилы рассказывали другим, более молодым старикам, что Иакова видели в городе во все времена, столь же дряхлого, столь же седого, столь же загадочного и необъяснимого.

Один из шаушей дея, которому было восемьдесят два года, убеждал каждого встречного, что, когда мальчиком бросал камни в Иакова, тому уже было лет сто.

Он добавлял, что на следующий день у него случилась горячка, ниспосланная колдуном, от которой лишь тот один смог затем его избавить, заставив выпить неизвестное снадобье.

Словом, еврей этот решал людские судьбы.

Был ли он богат?

Был ли он беден?

Чем он занимался?

О чем он думал?

Никому ничего не было о нем известно.

Все – и даже сам дей – его опасались.

Иаков жил в гетто, на вонючей улице вонючего еврейского квартала, в вонючем доме, большом, но развалившемся.

Однажды домой к нему, по приказу дея, с обыском явились шауши.

Еврей встретил их у порога.

– Пусть входит, кто хочет, – сказал он, – но кто войдет – умрет!..

Шауши не осмелились...

– Идите и скажите Хуссейну, что тот, кто меня тронет, уже мертвец, а тот, кто меня преследует, стоит над могилой. Чтобы защититься и нанести удар, мне не нужно ни оружие, ни солдаты.

Он шагнул вперед.

Офицер, командовавший шаушами, смертельно побледнел, оказавшись перед безоружным стариком.

Тот же промолвил:

– Можешь переступить порог!

Офицер повинился.

Поставив ногу на бетонный пол, он упал навзничь, отброшенный невидимой силой.

Иаков приказал потрясенным шаушам поднять офицера, дал выпить пару капель напитка, содержавшегося в выдолбленном сердолике, и сказал его людям:

– Унесите его; скоро он придет в себя. Но помните о том, что вы видели, и скажите дею, что сильным мира сего не стоит связываться с силами сверхъестественными.

С тех пор дей начал относиться к Иакову с глубоким почтением.

Весь же Алжир избегал старца; тот ни с кем не общался и никому не мешал.

По улицам он ходил, согнувшись вдвое, опираясь на большую черную палку, едва не касаясь земли длинной бородой, бородой, почтенной, шелковистой, ухоженной и столь белой, что она ослепляла не хуже чистого снега.

Череп столетнего старца тоже поражал воображение: совершенно лысый, он был весь в шишках, которые располагались неравномерно и походили на наросты.

Физиономия его напоминала, если можно так выразиться, лик скелета – похожая на пергамент, стертая в одних местах, ороговевшая в других. Маленькие, глубокие, мигающие и сверкающие урывками, словно глаза волка в сумерках, очи его покоились в глубоких впадинах, под удивительно пышными ресницами.

Руки его постоянно трещали, хрустели и бряцали косточками; кожа, мозолистая и шероховатая, собиралась узелками – такие можно увидеть на лапах грифов; ногти походили на когти.

Короче говоря, Иаков был своего рода живой и ходячей мумией, производившей на тех, кто видел его впервые, мрачное впечатление, и напоминавшей мертвеца, иссохшего в могиле и поднявшегося из склепа в мир живых.

Таким был человек, неподвижно стоявший у подножия форта.

Внезапно вдали прогрехотала пушка; молния прочертила пространство.

Рейд осветился от мыса к мысу, и Алжир пришел в непередаваемое волнение.

Все жители города – матросы и солдаты, мужчины и женщины, старики и молодежь – устремились на набережные.

Начиналось морское сражение.

Но кто это был?

Какой корсар сошелся в схватке с французской флотилией, преграждавшей путь в порт?

За первым пушечным выстрелом последовал второй, затем третий, затем послышались бортовые залпы.

Оставаясь невозмутимым, еврей вглядывался в море.

Вскоре он прошептал:

– Это он.

Но ни один мускул непроницаемого лица не вздрогнул, выражая обеспокоенность или надежду. Разве что его пес поднял голову, вдохнул воздух, жалобно взвыл и, полаяв немного, успокоился.

Канонада становилась все более ожесточенной, и еврей пробормотал:

– Держится уже довольно долго. – Он нахмурил брови. – Парочка залпов – это бы куда еще ни шло, но не настоящее же сражение!.. Я ведь запретил ему вступать в бой с кем-либо!..

Он выпрямился, и его изможденная рука вытянулась в направлении эскадры, которая вела огонь из всех орудий.

Казалось, он грозит французам, жестом немым и ужасным, и с губ его сорвалось проклятие.

Позади, оскалив зубы, заливался пронзительным лаем пес.

Взгляды обоих – и хозяина, и собаки – пылали огнем.

Но вскоре старик успокоился.

– Проклятый мальчишка! – проворчал он. – Но его можно понять... Какая невероятная отвага! Он достоин того, что его ждет.

Отблески пушечных залпов позволяли уже различить происходящее на рейде.

Большой французский фрегат, шедший на всех парусах, пытался настигнуть некий пароход.

Пароход был небольшой, с низкой посадкой, ничем не приметный; фрегат – огромный и... бессильный.

Фрегат обстреливал врага из тридцати орудий, пароход огрызался лишь одним залпом, но, судя по вспышкам, калибр его пушки был весьма внушительным.

Расправив паруса, на помощь фрегату спешили остальные корабли эскадры, но ветер был слабым.

Позади убежавшего к Алжиру парохода шло красивое трехмачтовое судно, вероятно, добыча.

Зрители выглядели удивленными: ни у одного из известных алжирцам корсаров не было парохода.

Никто из местных разбойников даже не задумывался о том, чтобы заниматься каперством на новых судах.

Кем мог быть этот капитан, столь отважно противостоявший французам?
Некий лоцман, наблюдавший за пароходом в подзорную трубу, воскликнул:

– Вижу на гафеле черный флаг Золотоволосого! Неужто он?

– Ю-ю!²⁴ – возликовали двадцать тысяч глоток, и все уста восторженно повторили: – Это Золотой корсар! Он вернулся! Смерть христианам!

Когда первый порыв угас, толпа начала строить предположения насчет корсара.

– Но откуда у него пароход?

– Он ведь уходил на тартане.

– Почему его так долго не было; три месяца не появлялся?

И у каждого было свое тому объяснение.

Сражение продолжалось.

Пароход держался молодцом: он обходил противника и, держась от него на расстоянии, одно за другим всаживал ядра в его корпус, оставаясь недостижимым благодаря своей малой объемности и строгому соблюдению дистанции.

Снаряды фрегата не долетали до цели; его же выстрелы били точно.

Трехмачтовик, выйдя из-под обстрела, под неистовые крики «браво» и бешеные аплодисменты вскоре показался у входа в алжирский порт.

Внезапно появившееся сторожевое судно бросилось в погоню за мусульманским корсаром.

И тут случилось странное.

Отойдя от фрегата, пароход восстал из воды – так подымается тяжелогруженое судно, которому вдруг удалось избавиться от груза, – и начал стремительно удаляться, продолжая, впрочем, издевательски обстреливать эскадру.

Восторженная толпа затопала ногами.

Фрегат был весь в пробоинах; пароход оставался практически невредимым.

Под стенами фортов он прошел под иступленные крики встречающих.

Но – странная штука – среди хвалебных слов, адресованных корсару, нередко встречались такие: «малец», «пацан», «ангелочек». Чаше говорили: «золотоволосый мальчуган», чем «золотоволосый корсар».

Чужеземцы этим, разумеется, были крайне удивлены.

Но изумление их удвоилось, когда они смогли разглядеть на полуюте парохода его капитана.

Команда, черная от пороха, вооруженная до зубов, в пестрых восточных одеждах, выстроилась на палубе: солдаты – застыв в неподвижной стойке, матросы – у снастей, офицеры, большинство из которых были еще подростками, – собравшись у банки вахтенного.

На корабле этого корсара царил полный порядок; и матросы, и офицеры выглядели весьма внушительно; на борту стояла мертвая тишина; такая же охватила и толпу, внимательную и взволнованную.

Все взгляды были прикованы к капитану, которому удалось установить на судне столь строгую дисциплину.

То...

То был мальчишка!

Впрочем, в свои шестнадцать он и не мог выглядеть мужчиной.

Одетый на европейский манер – брюки из белого тика, стянутые на боку поясом, легкую куртку с капюшоном, какие носят неаполитанцы, – с непокрытой головой, этот необычный капитан звонким голосом отдавал команды, которые рупор доносил до набережной.

²⁴ Радостный возглас арабов, сопровождаемый определенной жестикуляцией.

Была ночь, но при свете сверкающей луны и искрящихся звезд зрители легко различали очаровательную головку этого юноши, чьи густые выющиеся светлые волосы спадали на плечи, отбрасывая под освещавшими их серебряными лучами коричневато-желтые отблески.

Позади корсара, в костюме неаполитанского моряка, почтительно и смиренно держался огромный матрос, двухметровый великан. Должно быть, он-то и служил своего рода могучей рукой, исполнявшей волю золотоволосого. Во взгляде капитана сквозили уверенность и расчетливость. Внезапно его звонкий голос прокричал:

– Стать на якорь!..

Якоря упали, и пароход остановился.

В ту же секунду толпа, захлопав в ладоши, нарушила тишину громогласными здравицами; форты по приказу дея громыхнули из всех орудий, словно приветствовали коронованную особу; тысячи барок поспешно устремились к корсару: овация переросла в шквал исступленного восхищения.

И все потому, что жители Алжира обожали Корсара с золотыми волосами.

И все потому, что этот паренек совершал невероятные геройства под флагом дея.

И все потому, что он заслужил репутацию, которой завидовали старейшие капитаны.

Его лучистая молодость, невероятная ловкость, отчаянная храбрость, загадка его жизни окружили паренька ореолом славы, завоевали ему горячие симпатии масс и дружбу и восхищение великих мира сего.

Дей собственной персоной причалил на шлюпке к кораблю Корсара.

Когда он взошел на палубу, команда приветствовала его ружейным залпом, барабаны застучали на французский лад и тотчас же были поддержаны трубами горнистов.

Юноша вышел навстречу дею и приветствовал церемонно, но Хуссейн притянул его к себе и порывисто обнял.

Затем, глядя на корсара с отеческой нежностью, он сказал:

– Становись мусульманином, я разрешаю.

– Спасибо за предложение, сидна, – твердо отвечал юноша. – Но я не хочу никакой религии – ни христианской, ни еврейской, ни кальвинистской, ни какой-то другой.

Не став настаивать, Хуссейн сменил тему разговора:

– Откуда у тебя этот пароход? – спросил он.

– Этого я сказать не могу, – промолвил юноша. – С владельцем судна мы не знакомы.

– Так он столь же таинственен, как и все прочие? – заинтригованный, спросил дей.

– Кто знает, возможно, у меня всегда был один и тот же покровитель.

– Где ты раздобыл этот трехмачтовик?

– В водах Неаполя. Он плавал под американским флагом.

– Отличный улов!

– Рад стараться. Инструкции моего арматора позволяют мне надеяться на то, что в один прекрасный день я смогу покуситься и на нечто большее; возможно, приведу тебе фрегат.

– С этим суденышком?

– Именно. Он загадочный, мой корабль, загадочный, как и я сам, как мой арматор, как все, что ко мне относится.

Юноша поднялся на мостик и скомандовал боевую тревогу, после чего вполголоса отдал еще одно распоряжение.

Внезапно судно с поразительной быстротой начало уходить под воду.

На лицах дея и сопровождавших его офицеров отразилось изумление.

Вода доходила уже до палубы.

– В чем дело? – спросил Хуссейн.

– Долго объяснять, господин. Пригласи своего смиреннейшего слугу к столу, поставь перед ним бутылку испанского вина, любить которое позволяет твоя религиозная щепетиль-

ность, и пусть ему прислуживает прекрасная европейская невольница, которую он сможет увести с собой после ужина, пусть Хуссейн Великолепный попотчует Корсара с золотыми волосами, и Корсар с золотыми волосами расскажет кое-что Хуссейну Великолепному.

– Пойдем! – поспешно произнес дей. – Пойдем, сын мой. Мой дворец в полном твоём распоряжении.

– Секундочку! – промолвил юноша, улыбнувшись этой спешке. – Прежде чем я отправлюсь за тобой, позволь мне совершить акт правосудия.

– Ты должен вознаградить кого-то?

– Конечно же нет. Сражение как таковое даже и не начиналось, но как только встал вопрос о защите трехмачтовика, один из моих офицеров нашел способ себя обесчестить.

Он подал знак.

Привели юношу.

То был племянник аги, родственник Хуссейна, представитель одной из самых знатных алжирских семей.

– Как! – воскликнул дей. – Мехмет оказался трусом?!

– Он отказался возглавить группу из десяти человек, дабы сопроводить трехмачтовик к берегу.

– И как ты намерен поступить?

– А вот как.

И быстрый как молния, Корсар с золотыми волосами выхватил из-за пояса пистолет и вышиб офицеру мозги.

Несчастный свалился на палубу.

Хуссейн побледнел от гнева.

Он-то полагал, что дело ограничится внушением, и даже думать не мог, что Паоло посмеет пустить в расход его родственника; то был неслыханный проступок.

Рука дея потянулась к поясу.

Ничуть не смутившись, юноша взвел второй курок пистолета.

Он не опустил глаз под разъяренным взглядом Хуссейна, некогда такого же отважного солдата, как и он, а сейчас абсолютного правителя Регентства, Хуссейна, по одному лишь слову которого он мог лишиться головы...

Все вздрогнули, увидев, что юный герой вызвал гнев жестокого монарха, срубившего столько голов ятаганами своих шаушей.

Но Корсар с золотыми волосами голосом твердым и решительным, сказал Хуссейну:

– Вздумаешь шевельнуться – и ты труп!..

Дуло пистолета смотрело дею в лицо.

– Взять эскорт на мушку, живо! – приказал юноша матросам.

Распоряжение его было выполнено...

Старик, скрытый капюшоном бурнуса, наблюдал за этой сценой из своей лодки.

Он прошептал:

– Да он храбр как лев! Но вот достанет ли ему хитрости лиса?

И он продолжил с любопытством следить за всеми перипетиями происходящего.

Палуба корабля в этот момент стала сценой для драматического действия.

Турки и арабы из свиты Хуссейна не сводили глаз с Корсара; матросы держали их на прицеле своих ружей.

Хуссейн теребил эфес своего ятагана, ощущая холодное прикосновение пистолета, приставленного к его лбу.

Уступить?!

Этого ему безумно не хотелось, но по глазам Паоло он понял, что тот в случае необходимости спустит курок без колебаний.

Между ними лежал труп наказанного Корсаром офицера.
Стояла гробовая тишина.

Глава II. Храбрый как лев... и хитрый как лиса

То, безусловно, было странное зрелище – юнец держит на мушке самого дея.

Но у тех, кто стали свидетелями этого поединка Давида с Голиафом, не было ни малейших сомнений в исходе: Корсар неминуемо поплатится за свою дерзость головой.

Паоло, как всегда, спокойный, не сводя глаз с дея, скомандовал:

– Поднять якорь!

Вахтенный тотчас же передал его приказ матросам, и якорная цепь начала наматываться на кабестан, который приводился в движение паровым двигателем.

Создатели этого корабля опередили прогресс лет на двадцать!

Мгновением позже, когда якорь поднялся из воды и встал на место, Корсар прокричал:

– Полный вперед!

– Полный вперед! – повторил офицер с высоты банки.

Кочегары подбросили угля в топку, густой клуб дыма вырвался из трубы, и колеса ударили по воде.

Пароход вышел из порта...

Хуссейн побледнел: Корсар мог выдать его французам.

Изумленный дерзкой выходкой, дей не нашел ни слова протеста.

Его рука, лежавшая на эфесе кривой турецкой сабли, дрожала, взгляд пылал огнем, но уста хранили молчание.

Едва корабль вышел на рейд, Корсар с улыбкой промолвил:

– Ты в моей полной власти, господин, ты и твои люди. На судне королем является капитан. Так что ружья – на палубу! – приказал юноша свите дея.

Ответом был недовольный ропот.

– Я сказал: ружья – на палубу! – повторил юноша.

Офицеры Хуссейна не повиновались.

– Внимание! – крикнул Корсар двум десяткам матросов, которые охраняли пленников. – Целься!.. А теперь: ружья – на палубу! – повторил отважный юноша. – Или я командую огонь!

Эскорт нехотя подчинился; один лишь дей остался вооруженным.

Подойдя к дею, Паоло учтиво предложил ему руку:

– Изволь проследовать за мной, господин.

Было во всем происходящем нечто столь неожиданное, звонкий голос Корсара вдруг стал столь вкрадчивым, что дей машинально, не видя никакого выхода из тупикового положения, в котором оказался, последовал за юношей.

Тот провел его в свою каюту. Дей вошел в нее уже в том состоянии, когда бессильная, усмиренная ярость сменяется подавленностью.

Он уже представлял себя плененным и преданным.

Когда они остались с деем наедине, Паоло отбросил все свое оружие в сторону и скрестил руки на груди.

Он посмотрел на Хуссейна.

– Я жду! – промолвил он.

– Ждешь чего? – спросил изумленный дей.

– Своего наказания. Ты вооружен – убей меня; как видишь, я беззащитен.

К столь резкому повороту Хуссейн оказался не готов; на лице его отразилось недоумение.

– Неужели ты думал, – спросил Паоло, – что я собираюсь выдать тебя французам? Тебя, который был мне другом! Тебя, который назвал меня сыном! Тебя, которого я так люблю! Тебя, которого я так уважаю! Да ни за что на свете!.. Думаю, я поступил правильно, наказав труса; на моем месте ты бы сделал то же самое. Но я увидел, как воспылал яростью твой взгляд, и

понял, что меня ждет. И тогда я пожелал умереть достойно, захотел принять смерть из твоих собственных рук. Я подумал, что было бы здорово, если бы люди говорили про Корсара с золотыми волосами: «Оскорбив Хуссейна, он сам попросил Хуссейна его покарать».

Он опустился на колени, взял руку дея, поцеловал ее и сказал:

– Я жду...

Он был так грациозен, так смиренен и в то же время так умилителен, что дей был тронут; у него случился один из тех порывов, что свойственны необузданному темпераменту и что вынуждали его совершать столько жестоких деяний и столько благородных поступков.

Резко подняв Паоло на руки, Хуссейн поцеловал его в обе щеки, вынес, словно ребенка, на палубу и, поставив на полуют, сказал с отеческим простодушием:

– Когда сочтешь, что я достаточно прогулялся, мы вернемся в порт.

Корабельная команда и эскорт дея обменялись недоуменными взглядами.

– Готовиться к повороту! – прокричал капитан.

И пароход взял курс на Алжир.

Хуссейн прохаживался взад и вперед по полуюту, не соизволив никому дать каких-либо объяснений, впрочем, никто их у него и не требовал.

Любопытствующие, что толпились в порту, решили, что он пожелал испытать возможности корабля.

Когда пароход вошел в гавань, рука Хуссейна дружески лежала на плече Корсара.

Конечно, многие заметили некую сумятицу, происходившую на борту судна; но, за исключением еврея и нескольких наиболее проникательных зевак, никто так и не понял, что именно там происходило.

– Да, я не ошибся, – прошептал Иаков, увидев, что Корсар стоит на палубе в обнимку с Хуссейном. – Этот парень развит всесторонне. Что ж, вечером нужно будет его разыскать. – И он бросил слуге: – Гребки к берегу!

По всему порту разносились иступленные возгласы «браво»; Хуссейн и Корсар сошли на берег под оглушительную овацию толпы.

Заметив на набережной дядю офицера, которого Корсар покарал смертью, дей сказал ему:

– Твоего племянника больше нет с нами. Он нарушил свой долг, и капитан вышиб ему мозги. Твой племянник был моим родственником; но в данном случае я даже рад, что пролилась кровь моей семьи, так как кровь эта текла в жилах труса.

Дядя поклонился, подавив свое горе.

Дей запрыгнул на лошадь, которую к нему подвели, приказал одному из офицеров одолжить коня Корсару, и при свете зажженных факелов кортеж триумфально вернулся в крепость.

Долго еще жители Алжира осаждали ее ворота, шумно приветствуя Корсара с золотыми волосами.

Иаков растворился в толпе; покрыв голову капюшоном, он слушал и размышлял над тем, как быть дальше.

Глава III. Пойдем!

Покинув дворец дея утром, Паоло большую часть дня провел в мавританском кафе; когда же с наступлением сумерек он выбрался наконец на улицу, то наткнулся на Иакова, который, судя по всему, поджидал юношу.

– Следуй за мной, – сказал еврей. – Есть разговор.

«Что могло понадобиться от меня этому старому колдуну?» – подумал Паоло, который был в курсе всех ходивших о евреях слухов.

И он спросил:

– Чего ты хочешь?

– Пойдем!.. – лаконично промолвил Иаков.

– Куда?

– Пойдем, – повторил еврей, – и ты сам все увидишь.

В присутствии этого едва ли не волшебного персонажа, которому что-то от него потребовалось, Паоло испытал странное ощущение, смесь удивления, радости и страха.

Человек-легенда, столетний еврей, который, казалось, вознамерился жить вечно, тот, чьи секреты желал бы знать каждый, тот, о ком судачил весь город, вся провинция, вся страна, нуждался в нем!

Возможно, ему предстояло узнать тайну этой живой загадки!

И тем не менее он был слегка напуган; тайна для воображения есть то же, что бездна для глаз. Он так же опасался погружать взгляд в прошлое старца, как опасаются головокружения, стоя на краю пропасти.

Смерив юношу взглядом, Иаков прочел на его лице нерешительность.

Засады в алжирских городах – отнюдь не редкость; здесь часто можно попасть под ятаган какого-нибудь араба или наткнуться на стилет мавра.

И каким бы отважным ни был Паоло, угодить в ловушку ему вовсе не улыбалось, – в своей жизни ему довелось совершить немало глупостей, на которые столь горазды шестнадцатилетние юноши и за которые их так ненавидят зрелые мужи.

Он потребовал объяснений, но таковых не последовало: еврей продолжал идти вперед, не произнося ни слова, и, тяжело вздохнув, Паоло последовал за ним.

Определенно, он был неплохим знатоком человеческого характера, этот старый еврей!

Он знал, что любопытство непременно потянет юношу вслед за ним.

Они вошли в оранское гетто: мрачные улочки, смрадные дома, зловонный район...

Так, в молчании, они еще какое-то время продвигались вперед, пока Иаков не остановился наконец перед полуобвалившейся хибарой, толкнул расшатанную дверцу и провел спутника в темную аллею, в конце которой обнаружилась еще одна дверь; еврей трижды через короткие промежутки постучал в нее своей палкой.

Паоло полагал увидеть какую-нибудь беззубую старуху-еврейку, но услышал звонкие голоса, издававшие радостные восклицания; дверь открылась. Перед ним стояли две идеальной красоты девушки, две девы Иудеи, словно сошедшие с картины Делароша. Их пленительные профили обрисовались при ярком свете на входе в просторный двор, окруженный мавританскими колоннами, выложенный плитами из белого мрамора, сияющий в лучах луны.

За хибарой скрывался настоящий дворец.

Девушки, получив по отеческому поцелую, забрали у своего деда палку, взяли его под руки и хотели проводить в дом, но он бросил им пару слов, и они обернулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.